Фишгендлер.

Мир. (Больше
вистское Пере-
мирие и германс-
кий мир.)

М., 1918

ИМЛ — Библиотека
ГК120
Ф697
Зак. 132

А. Фишгендлеръ.

Брат Марковичу

МИРЪ.

(БОЛЬШЕВИСТСКОЕ ПЕРЕМИРІЕ И ГЕРМАНСКІЙ МИРЪ).

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Программа Кайзера и всѣхъ буржуазныхъ партій Германіи.
II. Германскіе соціалисты, ихъ отношеніе къ программѣ мира, и брестскій итогъ.
III. Военные вопросы въ брестскихъ переговорахъ. Итоги.

Изданіе редакціи „НАШЕГО ГОЛОСА".

МОСКВА.—1918 г.

Н. И. Г.

А. ФИШГЕНДЛЕРЪ.

ф 68

МИРЪ.

(Большевистское перемиріе и Германскій миръ).

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Программа Кайзера и всѣхъ буржуазныхъ партій Германіи.

II. Германскіе соціалисты, ихъ отношеніе къ программѣ мира, и брестскій итогъ.

III. Военные вопросы въ брестскихъ переговорахъ. Итоги.

Библиотека М. Г. У. Каб. Ист. Зап. Ев.

11807
35

БИБЛІОТЕКА М. Г. У. Историч. Фак.

Изданіе редакціи „НАШЕГО ГОЛОСА.“

МОСКВА.—1918 г.

№ 38г.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ

ГК120р
Ф-697

Библиотека ин-та
[illegible]
при ЦК КПСС
728514

БИБЛИОТЕКА
ИМЭЛ
Специальный фонд
сф
48249

Типо-литографія Т./Д. „И. Ефимовъ, Н. Желудкова и К°ᵃ. Б. Якиманка, 32.

Дни, исключительной, исторической важности переживаетъ Россія... Заключеніе сепаратнаго перемирія и фактическій выходъ Россіи изъ строя борющихся силъ не могутъ не наложить своей глубокой печати на весь ходъ послѣдующихъ событій.. Рѣзко измѣнившееся равновѣсіе военныхъ силъ въ Европѣ, связанное съ фактическимъ выходомъ Россіи изъ союзной коалиціи и полной дезорганизаціей ея арміи, создаетъ положеніе, чреватое самыми неожиданными послѣдствіями для судебъ всѣхъ втянутыхъ въ войну народовъ Стараго и Новаго Свѣта.

Исключительная роль, которую въ этомъ отношеніи сыграли внутреннія политическія условія въ Россіи, выражающіяся въ переворотѣ и захватѣ власти представителями направленія, взявшаго на себя задачу путемъ сепаратнаго перемирія притти къ всеобщему демократическому миру, не можетъ подлежать сомнѣнію. И тутъ обнаруживается глубокая органическая связь судебъ россійской революціи и ея завоеваній и судебъ войны. Сепаратное перемиріе не можетъ не оказать огромнаго вліянія на исходъ грядущихъ, быть можетъ, въ ближайшее время всеобщихъ мирныхъ переговоровъ, и черезъ нихъ на судьбы всего міра;—какъ судьбы войны и характеръ мирнаго договора не могутъ не наложить печати на всю послѣдующую исторію Россіи.

И потому мы сочли своевременнымъ и необходимымъ собрать, по возможности, существенную часть фактическаго матеріала, касающагося современнаго положенія вещей, характеризуемаго фактическимъ сепаратнымъ миромъ Россіи съ германской коалиціей и вытекающей отсюда опасностью полнаго осуществленія захватнической по отношенію къ ней программы германскаго имперіализма.

I.

„Съ Россіей нечего церемониться. Во-первыхъ, русскіе не французы; во-вторыхъ, даже сильнѣйшій шовинизмъ безсиленъ возродить русскую армію". Такъ писалъ непосредственно послѣ переворота графъ Ревентловъ[1]), одинъ изъ самыхъ откровенныхъ выразителей военно-морскихъ круговъ Германіи. Таковъ отвѣтъ идеолога пангерманизма, данный имъ на угрозы картоннымъ мечемъ Троцкаго, заявившаго русской демократіи, что „рабоче-крестьянское правительство наступило сапогомъ на грудь германскаго имперіалима" и что „германское и австрійское правительство уже согласились сѣсть на скамью подсудимыхъ"...

Внимательный анализъ истинныхъ плановъ германскихъ руководящихъ круговъ не оставляетъ никакихъ сомнѣній въ томъ, что Ревентловъ правильно изложилъ ихъ намѣренія. Только у насъ, въ странѣ неограниченныхъ возможностей могли найтись

[1]) „Tageszeitung" 10/XI.

люди, своей неопредѣленно-туманной и путанной пропагандой сѣявшіе въ широкихъ народныхъ массахъ убѣжденія, что *единственнымъ* препятствіемъ къ миру являются притязанія союзнаго имперіализма, что Германія и Австрія давно уже готовы приступить къ переговорамъ о справедливомъ мирѣ. Пишущему эти строки приходилось на фабрикахъ и заводахъ Петрограда неоднократно сталкиваться съ этой своеобразной психологіей; всякое заявленіе о захватническихъ стремленіяхъ Германіи и о наступательной войнѣ съ ея стороны вызывало бурю негодованія, какъ и всякая попытка защитить союзниковъ отъ односторонних и совершенно безсмысленныхъ обвиненій. И это не было случайностью, а естественно вытекало изъ цикла идей, такъ жадно культивированныхъ большевистской партіей. Вся сила страсти и огня революціонной эпохи недѣлями и мѣсяцами долбила одну единственную точку въ сознаніи: что виновникомъ продолжающейся бойни является прежде всего союзный имперіализмъ, что разрывъ съ нимъ есть первый дѣйствительный шагъ къ миру... Туманныя же и двусмысленныя оффиціозныя заявленія Чернина, Кюльмана и друг. квалифицировались, какъ проявленіе стремленія центральныхъ державъ къ справедливому миру...

Чернины и Кюльманы оказались на высотѣ задачи. Дипломатическая подготовка захватнической программы ни на шагъ не отставала отъ военной. Германская коалиція великолѣпно учитывала внутреннюю политическую конъюнктуру Россіи и уже давно разглядѣла въ большевизмѣ своего естественнаго союзника. Ее не устрашали угрозы большевиковъ зажечь пожаръ міровой революціи; она брала отъ нихъ все, что могла... Она оказалась, къ несчастью, значительно болѣе дальнозоркой, чѣмъ это могло казаться самымъ ярымъ поклонникамъ ея...

Именно ростъ большевистскихъ вліяній среди широкихъ массъ рабочихъ и, въ особенности, солдатъ фронта,—вліяній, уже до захвата власти почти полностью дезорганизовавшихъ армію, былъ источникомъ все растущихъ аппетитовъ Германіи. Вмѣстѣ съ разгромомъ Италіи на венеціанскомъ направленіи, это внутреннее разложеніе Россіи было источникомъ той особой твердости захватническихъ тенденцій, которыя были обнаружены центральными державами наканунѣ переворота.

23 октября, т.-е. наканунѣ конфликта въ Петроградѣ, по сообщенію „Berliner Lokal-anzeiger“ въ Берлинѣ состоялось совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ Вильгельма, на которомъ графъ Черинъ въ качествѣ представителя Австро-Венгріи предложилъ присоединить Галицію къ Польшѣ, а послѣднюю присоединить къ Австро-Венгріи на основахъ личной уніи. Великое Княжество Литовское и Герцогство Курляндское присоединяется къ Пруссіи. Императоръ Карлъ будетъ возглавлять, по проекту, Польшу въ качествѣ ея короля, а Вильгельмъ будетъ именоваться великимъ Княземъ Литвы и великимъ Герцогомъ Курляндіи. Предложеніе это встрѣтило сочувствіе другихъ членовъ Совѣщанія и на слѣдующій день было опубликовано въ берлинскихъ и вѣнскихъ газетахъ...

Какія обстоятельства позволили центральнымъ имперіямъ такъ открыто заговорить объ аннексіяхъ? Характерной чертой всѣхъ оффиціальныхъ заявленій германской дипломатіи было обычное

умолчаніе объ аннексіяхъ и ссылка на отсутствіе какихъ-либо завоевательныхъ плановъ. Въ выступленіяхъ ли Бетмана, въ предложеніяхъ ли папы фигура умолчанія о подлинныхъ намѣреніяхъ Германіи насчетъ Польши, Литвы и Курляндіи оставалась незыблемой. Но послѣ разгрома Италіи и обнаруженія полнаго военнаго безсилія Россіи, воинствующій имперіализмъ пріобрѣлъ такія сильныя позиціи во внутренней политической борьбѣ съ нѣмецкими и австрійскими противниками аннексій, что онъ, естественно, заговорилъ инымъ языкомъ... Тѣмъ болѣе, что публичное обсужденіе мира за счетъ Россіи должно было совпасть съ достаточно ярко обнаружившимся разочарованіемъ союзниковъ въ Россіи и ростомъ опасеній съ ихъ стороны за ближайшія военныя перспективы...

Хотя оффиціальнаго сообщенія о рѣшеніяхъ верховнаго Совѣта не послѣдовало, въ германской прессѣ эта формула аннексій вызвала такую серьезную и ожесточенную борьбу, что о реальности ея уже не могло быть никакихъ сомнѣній. „Lokal Anzeiger“ 26/x вновь подтвердилъ свое сообщеніе, прибавивъ отъ себя, что „Вильгельмъ и Карлъ не обратятъ никакого вниманія на бредни о мирѣ безъ аннексій и покажутъ своимъ народамъ, каковы настоящія цѣли войны“. „Berliner Tageblatt“ объяснила отсутствіе оффиціальнаго сообщенія „простой неразработанностью плана аннексій“.

Все содержаніе возгорѣвшейся полемики свидѣтельствуетъ объ одномъ: что планъ аннексій, вообще, есть неотъемлемая черта всѣхъ видовъ подавляющаго большинства германскихъ партій на возможныя очертанія мирнаго договора. Правые круги прежде всего недоумѣвали по поводу австрійской побѣды надъ Германіей, и въ частности надъ Пруссіей. Присоединеніе русской Польши къ Галиціи и образованіе польскаго государства, соединеннаго на началахъ уніи съ Австріей, представляетъ собой, безспорно, актъ, невыгодный для прусскихъ вожделѣній, ибо Варшаво-Краковская Польша еще сильнѣе обнаружитъ тягу къ возсоединенію съ ней и прусской Польши. И приписывая всѣ военные успѣхи себѣ, пруссачество устами консерватора, графа Вестарпа, заявило въ рейхстагѣ, что „всѣ завоеванія Германіи должны остаться за Германіей“ [1]).

Еще болѣе рѣзко развивалъ идеи аннексій именно на Востокѣ націоналъ-либералъ Штреземанъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, и онъ, и подовляющее большинство либеральныхъ газетъ единодушно, и въ рѣзкой формѣ, подчеркивали, что рѣшеніе этихъ вопросовъ въ такой формѣ является и преждевременнымъ и нецѣлесообразнымъ. Такое, чрезвычайно странное, на первый взглядъ, отношеніе къ конкретной формулѣ аннексій со стороны общественныхъ теченій, втеченіе трехъ лѣтъ войны оказывавшихъ безоговорочную поддержку имперіалистическимъ руководящимъ кругамъ Германіи, заслуживаетъ особаго вниманія.

Обсужденіе плана аннексій совпало съ началомъ большевистскаго возстанія. И въ поведеніи нѣмецкой прессы, проявляющей

---

1) Графъ Ревентловъ въ „Tageszeitung“, особенно энергично ссылаясь на успѣхъ въ Италіи, доказываетъ справедливость и неизбѣжность аннексій и плана, выдвинутаго верховнымъ Совѣтомъ.

совершенно исключительную и поразительную освѣдомленность о русскихъ дѣлахъ, нельзя не усмотрѣть дирижерской палочки... Она всегда умѣла ставить свою конечную цѣль (аннексіи) выше преходящихъ настроеній момента и умѣла подчинять ихъ руководству изъ „Pressbureau“ военнаго министерства и министерства иностранныхъ дѣлъ.

Свободомыслящая „Berliner Tageblatt“ отъ 27-го октября уже получила извѣстіе о воззваніи военно-революц. комитета къ арміи, арестѣ Временнаго Правительства и бѣгствѣ Керенскаго. Увы, россійскіе граждане не могли объ этомъ узнать даже изъ „Извѣстій“ большевиковъ отъ 27-го октября, берлинцы же знали объ этомъ утромъ того же дня! „Если эти свѣдѣнія подтвердятся, то надо считаться съ тѣмъ, что власть въ Россіи перейдетъ къ Совѣтамъ, ибо неоткуда ожидать противодѣйствія быстрымъ, энергичнымъ и *счастливымъ* (!) дѣйствіямъ Совѣтовъ“.—„Одно, что могло бы разбить Ленина, это вопросъ о мирѣ, ибо требованіе мира есть основное и настоятельное требованіе русскаго народа“.

И тѣмъ не менѣе та же газета, рѣзко выступая противъ рѣшеній верховнаго Совѣта, считаетъ обсужденіе конкретныхъ условій мира „преждевременнымъ“. И отнюдь не потому, что либералы, именемъ которыхъ говоритъ газета—противъ аннексій и за русскую формулу мира—„Нужно принять во вниманіе при обсужденіи условій мира общее военное положеніе... Это, само собой разумѣется, предрѣшаетъ дальнѣйшее“—разсуждаетъ та же газета въ № отъ 13/XI. Общее военное положеніе—не есть ли это деликатное изложеніе болѣе опредѣленной, но и болѣе жесткой, формулы „военная карта Гинденбурга“....? Эта карта, конечно, предрѣшаетъ съ такой ясностью „дальнѣйшее“, и Польшу и Литву и Курляндію, что объ этихъ подробностяхъ говорить не придется, если основаніе будетъ принято.

Другой, не менѣе авторитетный, органъ нѣмецкаго либерализма „Frankfurter Zeitung“ въ № отъ 31/X считаетъ „демократическій миръ, о которомъ говоритъ прокламація Совѣтовъ, *непріемлемымъ для каждаго германца*“. И тѣмъ не менѣе газета рѣшительно выступила противъ своевременности конкретной постановки вопросовъ объ аннексіяхъ на востокѣ,—по существу высказываясь чрезвычайно туманно.

И даже ярко захватническая „тетка Фоссъ“[1]) высказалась противъ проекта, за „дружественное соглашеніе“ съ Россіей во имя грядущаго мира....

И если прибавить сюда недвусмысленный уже протестъ со стороны всѣхъ соціалистическихъ теченій,—о нихъ мы будемъ говорить особо,—то получится довольно однообразная картина неудовольствія со стороны всѣхъ вліятельныхъ круговъ Германіи принятыми рѣшеніями верховнаго Совѣта. И черезъ 3 дня появилось оффиціальное опроверженіе съ указаніемъ, что вопросъ о дальнѣйшей судьбѣ завоеванныхъ провинцій хотя и обсуждался, но еще не рѣшенъ окончательно.

Но впечатлѣніе было создано,—впечатлѣніе, что „взрывомъ народнаго негодованія въ Австріи и Германіи былъ сметенъ планъ аннексіонистовъ относительно будущности Польши, Литвы и Кур-

---

[1]) Консервативная „Vossische Zeitung“.

ляндіи, который намѣрены проводить руководители обѣихъ странъ и который, если бы былъ приведенъ въ исполненіе, опять поставилъ бы народы передъ невозможностью немедленнаго заключенія мира",—такъ говорила, увы, даже соціалистическая „Arbeiter Zeitung" устами Макса Адлера....

Мы не подвергаемъ сомнѣнію искренность заявленій австрійскихъ соціалистовъ,—но сущность всего матеріала, къ разсмотрѣнію котораго мы приступаемъ, неопровержимо свидѣтельствуетъ о томъ, что германскій имперіализмъ и всѣ поддерживающія его партіи не отказались отъ аннексій,—что, наоборотъ, всѣ силы свои они отдали тому, чтобъ создать такую политическую и психологическую обстановку, которая обезпечила бы Германской коалиціи возможность окончательно снять со счета борющихся силъ Россію и ея армію. Головокружительныя перспективы раскрылись предъ германскимъ имперіализмомъ въ тотъ мигъ, когда предложеніе сепаратнаго перемирія со стороны Россіи стало фактомъ, а сепаратный миръ сталъ возможностью завтрашняго дня. И, конечно, нѣмецкія правящія партіи отдавали себѣ полный отчетъ въ той политической обстановкѣ, которая создалась въ связи съ захватомъ власти большевиками, и не въ ихъ интересахъ было въ этотъ именно моментъ выдвинуть программу аннексій. Облегчить большевистской власти ея задачу сепаратнаго перемирія,—создать своимъ поведеніемъ такую обстановку, которая позволила бы большевикамъ въ странѣ поддерживать хотя бы на нѣкоторое время иллюзію искренняго стремленія нѣмцевъ къ демократическому миру,—не осложнять основной задачи—вывести русскую армію изъ строя борющихся силъ и тѣмъ совершенно развязать себѣ руки на Востокѣ—было основнымъ стремленіемъ всѣхъ партій парламентскаго большинства Германіи... Ихъ не могли пугать ни программа большевиковъ, ни боязнь вліянія переговоровъ съ ними на германскій пролетаріатъ. Большевистскій переворотъ не былъ для нихъ неожиданностью и ровно ничего не измѣнилъ въ ихъ намѣреніяхъ. И меньше всего въ эти намѣренія могъ войти тотъ общій миръ, которымъ безъ устали въ Брестѣ божились Каменевы и Іоффе. Тѣмъ болѣе, что къ происшедшему они тщательно готовились. „Когда заграница еще не знала о томъ, насколько основательна побѣда большевиковъ, нѣмецкая буржуазно-либеральная печать уже заявляла, что если будетъ предложено перемиріе, то вести эти переговоры необходимо", заявлялъ иностранный обозрѣватель большевистскихъ „Извѣстій" 8-го ноября... Большевики еще не предложили перемирія, а нѣмецкая пресса уже обсуждала вопросъ о немъ.—„Если русское военное командованіе,—заявилъ Berliner Lokal-Anzeiger,—сдѣлаетъ предложеніе именемъ авторитетнаго правительства, то Германія согласится, но только *если будетъ* принято во вниманіе *военное положеніе*". Торжественный тонъ буржуазной прессы напоминалъ тонъ дней величайшихъ побѣдъ германской арміи. И едва ли кто-либо другой такъ радостно привѣтствовалъ Ленина. „Ленинъ призванный вождь истинно революціонной соціалъ-демократіи"—писала 27-го октября „Lerliner Tageblatt". Оффиціозъ Австрійскаго Министерства иностранныхъ дѣлъ „Wiener Fremdenblatt" отъ 5/XI въ пространной статьѣ захлебывается отъ восторга, говоря о первомъ обращеніи большевистскаго Съѣзда Совѣтовъ. „Съѣздъ Со-

вѣтовъ сдѣлалъ такъ, чтобъ приблизить миръ". Но къ бочкѣ елея и меда австрійскій оффиціозъ прибавляетъ ложку дегтя. «Миръ долженъ быть именно такимъ, какимъ его *воображаютъ себѣ средне-европейскія государства и папа*. Понятіе аннексій, высказанное съѣздомъ, выходитъ далеко за тѣ границы, каковыя опредѣлены доктриною правъ народовъ. Предложеніе Совѣта выходитъ изъ границъ, начертанныхъ въ формулѣ графа Чернина и большинства нѣмецкаго рейхстага»... И тѣмъ не менѣе, газета горячо привѣтствуетъ возможность предстоящаго перемирія, подчеркивая, что «Совѣтъ вполнѣ все это сознавалъ, ибо не считая окончательными свои предложенія мира, онъ готовъ обсудить *и другія* предложенія»... А руководящій органъ нѣмецкаго либерализма „Berliner Tageblatt" въ статьѣ «Большевистскій миръ» поучаетъ нѣмцевъ, какъ надо его понимать. «Въ Германіи нѣтъ партіи,—говоритъ онъ—которая подписала бы большевистскую программу... Напрасно „Vorwärts" старается доказать, что мирная программа центральныхъ державъ тождественна съ программой большевиковъ». Всѣ эти оговорки, достаточно ярко свидѣтельствующія, насколько „ослабѣли" аннексіонистскія стремленія, объединяются единой формулой: *предложеніе перемирія надо съ радостью принять, въ какую бы словесную рамку его не вставляли большевики*.... И,—увы—Троцкій былъ глубоко правъ, говоря, что «съ одной стороны переворотъ интересовалъ буржуазію союзныхъ странъ съ точки зрѣнія углубленія военной смуты и увеличенія ихъ военныхъ шансовъ—и это давало имъ поводъ для злорадства». «Какъ нѣмцы, они готовы злорадствовать». („Извѣстія", № 220).

Въ высшей степени характерно, что всякія попытки выяснить авторитетность большевистской власти въ глазахъ русскаго населенія отвергались руководящими политическими группами, какъ не имѣющія къ дѣлу никакого отношенія. Одинъ изъ самыхъ заклятыхъ враговъ соціализма, графъ Тисса, доказывалъ въ венгерской палатѣ, что „по моему мнѣнію, было бы большой ошибкой оттолкнуть протянутую руку только изъ-за однихъ формальныхъ соображеній, т.-е. до тѣхъ поръ, пока не установится образъ правленія въ Россіи... Намъ слѣдовало бы выразить свою радость по поводу того, что нашъ бывшій сильный врагъ на сѣверѣ рѣшилъ отказаться отъ постоянныхъ нападеній и вмѣсто того хочетъ вмѣстѣ съ нами выработать основы своей политики на Балканахъ.. Мы можемъ разсчитывать на возможность мира и дружбы". Такъ буйно радовался старый разбойникъ побѣдѣ Ленина и Троцкаго,—и Веккерле, министръ-предсѣдатель, сообщилъ ему, что „въ случаѣ, если бы мы получили предложеніе перемирія, то мы вмѣстѣ съ нашими союзниками подвергли бы ихъ обсужденію, и при наличности пріемлемыхъ условій, они были бы приняты". И въ тонъ министру вторилъ Шейдемановскій „Vorwärts", проговорившійся, что „безполезно повторять, что большевики лишены достаточной опоры въ народѣ. *Важно сговориться съ ними, и тогда никакія силы не смогутъ повернуть вспять колесницу мира*". Взять отъ большевистскаго переворота все, что возможно—таковъ пароль, воспринятый всей Германіей, кромѣ героической группы сторонниковъ Либкнехта, и независимыхъ соціалъ-демократовъ.

Въ центральныхъ Имперіяхъ задолго до переворота отдавали

себѣ отчетъ въ томъ, какими путями можно вывести Россію изъ строя... 16-го октября вѣнская „Arbeiter Zeitung“ помѣстила статью „Путь къ миру“... Газета, втеченіе годовъ войны бывшая органомъ поддерживавшихъ австрійское правительство соціалистовъ, развила планъ сепаратнаго мира съ Россіей. „Вѣнское и берлинское правительство,—подсказывалъ соціалистическій дѣлецъ своему имперіалистическому барину,—должны аппеллировать черезъ голову буржуазнаго министра Терещенко къ уставшей отъ войны русской арміи“. Да будетъ апелляція Вильгельма къ революціонному русскому солдату! „Необходимо формальное предложеніе мира, на которое правительству Россіи придется отвѣтить: да или нѣтъ. Правительство, отклонившее предложеніе мира, будетъ сметено въ нѣсколько часовъ вспышкой народнаго гнѣва“. Ни словомъ не обмолвясь о томъ, какъ подобное предложеніе мира *одной только Россіи* было бы встрѣчено союзниками, „Arbeiter Zeitung“, анализируя внутреннее положеніе Россіи и усиленіе большевизма въ арміи, приходитъ къ выводу, что „Вѣна и Берлинъ могутъ, если захотятъ, заставить Россію начать мирные переговоры“. „Тогда Франція и Италія побоятся продолжать войну“...

Большевики блестяще выполнили заданіе. Разница только въ томъ, что предложеніе перемирія сдѣлано ими и что не Вильгельмъ черезъ голову Терещенко говоритъ съ русскими солдатами, а представители этихъ солдатъ говорятъ со слугами Вильгельма.. Существо же отъ этого не мѣняется....

Естественно, что общественное мнѣніе руководящихъ круговъ Германіи въ полной мѣрѣ осознало, что въ такой выигрышный моментъ публичная поддержка аннексіонистскихъ плановъ верховнаго совѣта создавала бы только излишнія препятствія къ достиженію намѣченной цѣли. Дать правительству полную возможность использовать ситуацію,—лишить критиковъ, и русскихъ, и нѣмецкихъ, возможности будоражить общественное мнѣніе трудящихся классовъ ссылками на захватническіе планы—стало задачей дня... И въ итогѣ мы получили воистинѣ знаменательное рѣшеніе руководящаго большинства германскаго рейхстага... „7-го ноября—писала „Kölnische Zeitung“,—между партіями большинства рейхстага состоялось формальное соглашеніе, по которому рѣшено не допускать никакихъ серьезныхъ дебатовъ ни по внѣшней, ни по внутренней политикѣ, ограничившись краткой резолюціей о поддержкѣ политики Гертлинга и безпромедлительнаго голосованія. Если соціалистическая или иная партія не удовлетворится такимъ положеніемъ, и будетъ предъявлять правительству запросы, то отвѣты на эти запросы будутъ откладываться до окончанія войны“. Такъ окончилась „единодушная“ оппозиція партій большинства по отношенію къ правительству, въ рядахъ верховнаго Совѣта поддерживавшаго крайнія аннексіонистскія притязанія. Таковъ первый и непосредственный результатъ побѣды Ленина: какъ никогда, Гертлингу обезпечивается довѣріе, отсутствіе критики и рукой большинства народныхъ представителей воздвигается самодержавіе въ токой моментъ, когда рейхстагъ долженъ былъ бы защищать свое право, на непрерывность надзора надъ работой всемірныхъ разбойниковъ... Большинство, конечно, знало, что оно дѣлаетъ.....

Къ чести независимой соціалъ-демократической печати, нужно сказать, что она безъ устали и съ большой смѣлостью разоблачала всю эту хитрую механику. И торжественное засѣданіе рейхстага, на которомъ 16-го ноября впервые выступилъ новый имперскій канцлеръ фонъ-Гертлингъ, окончательно вскрыло сущность всей дипломатической комедіи. Засѣданіе происходило на слѣдующій день послѣ сдѣланнаго Троцкимъ и Ленинымъ предложенія вступить въ переговоры о перемиріи и мирѣ. Рѣчь канцлера, естественно, была выдержана „въ тонахъ радостнаго оптимизма“,—сообщала телеграмма нѣмецкаго агентства. Еще бы! „Въ извѣстномъ намъ до сихъ поръ предложеніи русскаго правительства, мнѣ думается, могутъ быть усмотрѣны основы для начатія переговоровъ... Я надѣюсь, что это великое стремленіе скоро будетъ оформлено и принесетъ намъ миръ“... Нужна ли еще большая опредѣленность? У кого на свѣтѣ Божьемъ могли возникнуть сомнѣнія въ томъ, что въ предложеніяхъ Троцкаго нѣтъ „основъ для начатія переговоровъ“? И кто изъ нѣмцевъ могъ сомнѣваться въ возможности мира... съ Троцкимъ? И благожелательный къ Россіи, канцлеръ разразился грозной филиппикой по отношенію къ союзникамъ... „Послѣ того, какъ мы и наши союзники первыми откликнулись на мирный призывъ папы, мы тѣмъ самымъ отняли у нашихъ противниковъ право ссылаться на непреклонность германскаго милитаризма“. И потому фонъ-Гертлингъ предпочелъ говорить только о мирѣ... съ Россіей, но не о всеобщемъ... Что же касается Литвы и Курляндіи, то канцлеръ выразилъ готовность *„считаться* съ правомъ самоопредѣленія народовъ, населяющихъ эти страны. Мы ожидаемъ, что народы эти сами выработаютъ для себя государственный строй, наиболѣе отвѣчающій условіямъ ихъ жизни и культуры“... Что это значитъ? Баварія и Саксонія тоже „сами вырабатываютъ“ для себя Государственный строй, оставаясь въ предѣлахъ единой Германіи... И есть ли это отвѣтъ на вопросъ: аннексія или отказъ отъ нея?.. И достойное резюме рѣчей нѣмецкаго канцлера дано было въ отвѣтномъ словѣ Гаазе, полномъ ѣдкой сатиры и горькаго безсилія. „Гертлингъ и Веккерле,—говорилъ онъ,—заявили, что ихъ планы получатъ осуществленіе по заключеніи мира. Пока рѣчь идетъ о перемиріи, они замалчиваютъ ихъ. *Значитъ, они не отказываются отъ своихъ намѣреній!* Пусть русскіе соціалисты помнятъ это. Гертлингъ и Гинденбургъ не такъ давно намекали, что Бельгія не получитъ полной независимости, а Болгарія цинично сознается въ своихъ чудовищныхъ вожделѣніяхъ. *Такое же лицемѣріе* царитъ и во внутренней политикѣ. Германія попрежнему во власти военной и политической диктатуры“. Гаазе въ одномъ ошибся: не „попрежнему“, ибо переворотъ въ Россіи, какъ это показано будетъ дальше, оказался источникомъ необычайнаго подъема политической реакціи въ Германіи. Но Гаазе отлично понялъ основной смыслъ рѣчи канцлера. „Сепаратный миръ не остановитъ кровопролитія. Намъ нуженъ миръ всеобщій“. Именно: торжественное засѣданіе рейхстага было посвящено грядущему сепаратному миру. „Всѣ рѣчи канцлера о самоопредѣленіи народовъ и о томъ, что австро-германскіе планы объ аннексіи Польши, Литвы и Курляндіи сданы въ архивъ—пустая фразеологія“.

Но россійскія власти, думали не такъ, какъ Гаазе. Въ Правительственномъ Вѣстникѣ Ленина, „Извѣстіяхъ“ (№ 237 отъ 27/XI) помѣщены двѣ „свѣжихъ“, „изъ первоисточника“ радіотелеграммы. Въ первой сообщается, что „со времени начала переговоровъ съ большевиками партіи большинства въ рейхстагѣ оказывали давленіе на Германское правительство въ цѣляхъ побудить его примѣнить на востокѣ принципъ: миръ безъ аннексій и контрибуцій. Эти партіи настаиваютъ, чтобы Германія начисто заявила свое желаніе очистить всѣ русскія оккупированныя территоріи“. Рядомъ съ ней другая радіо сообщаетъ, что „Графъ Чернинъ подтверждаетъ, что австро-германцы не требуютъ ни аннексій, ни компенсаціи“. И для полнаго убѣжденія въ томъ, что этому надлежитъ безпрекословно вѣрить, телеграмма сопровождается тремя подписями: дежурнаго офицера, комиссара и даже отвѣтственнаго слухача...

Мы отнюдь не намѣрены исключить возможность со стороны Германіи большихъ уступокъ въ отношеніи аннексій, но при одномъ только условіи: если этимъ будетъ достигнуто превращеніе всей Россіи въ глубокій тылъ австро-германскихъ армій, всей своей силой обрушившихся на Западъ,—тылъ, обслуживающій ихъ хлѣбомъ, мясомъ, кожей, а можетъ быть и снарядами... То-есть, за превращеніе Россіи въ ея союзника, и участіе въ разгромѣ Англіи и Франціи Германія будетъ готова на уступки...

И тѣмъ не менѣе, матеріалъ упорно говоритъ объ аннексіяхъ на Востокѣ... И правъ, конечно, Гаазе, а не „Извѣстія“. И закрывшійся рейхстагъ не могъ не вызвать горестнаго сожалѣнія Каутскаго [1]) о томъ, „что рейхстагъ въ исторически тяжелый моментъ добровольно отсрочилъ свои занятія, предоставивъ правительству всю необходимую для веденія мирныхъ переговоровъ свободу дѣйствія“. И соціалъ-шовинистскій „Vorwärts“ тоже воздыхаетъ. „Неужели центральныя державы используютъ трудности русской демократіи для удовлетворенія жажды завоеваній, политическаго и экономическаго насилія и превратятъ въ комедію принципы самоопредѣленія народовъ?“... Неужели?! Трудности русской демократіи—это великій источникъ силы для германской автократіи... И „Vorwärts'у“ ничего не остается, какъ взывать къ небу...

„Послѣ рѣчи Гертлинга и Кюльмана стало ясно, что Германское правительство стремится исключительно къ сепаратному миру съ Россіей съ цѣлью развязать себѣ руки на Востокѣ и продолжать борьбу на Западномъ фронтѣ и осуществить свои завоевательныя и аннексіонистскія стремленія“. Такъ писалъ органъ независимыхъ соціалистовъ „Leipziger Volkszeitung“.

Нужно ли удивляться, что въ процессѣ дальнѣйшаго разложенія русской арміи и безспорнаго успѣха нѣмцевъ въ переговорахъ о перемиріи аннексіонистскія притязанія получили новый источникъ силы?

Нужно ли удивляться тому, что берлинская организація Германской отечественной партіи, собирающей вокругъ себя всѣ вліятельные круги германскихъ захватчиковъ, предъявила 12/25 декабря германскому правительству требованіе „проявить осо-

[1]) Leipziger Volkszeitung.

бенную твердость и отвергая идею всеобщаго мирнаго конгресса, добиться отъ Россіи всего того, что необходимо германскому народу, а именно: территорію для колонизаціи, господство на Балтійскомъ морѣ. На Западномъ фронтѣ Германія должна продолжать упорную борьбу и заставить Англію сдѣлать необходимыя для процвѣтанія Германіи уступки". И въ это самое время вѣнская „Arbeiter Zeitung" и вся австрійская соціалистическая печать единогласно обвинили панъ-германцевъ и панъ-австрійцевъ въ стремленіи во что бы то ни стало добиться сепаратнаго мира или, по меньшей мѣрѣ длительнаго и прочнаго сепаратнаго перемирія... Совершенно естественно, что для нѣмцевъ важны не формы, а содержаніе: полное развязываніе рукъ на Востокѣ для болѣе активныхъ дѣйствій на французскомъ фронтѣ. И длительное перемиріе, при данныхъ условіяхъ и господствѣ Ленина въ странѣ, уже само по себѣ представляетъ собою полное уничтоженіе русской арміи и превращеніе Россіи въ глубокій тылъ нѣмецкихъ армій. И едва ли не наиболѣе откровенно это выразилъ самъ Гинденбургъ: „русскіе сдѣлали начало; это, однако, не значитъ, что будто я вѣрю, что большевики въ состояніи осуществить свою волю (т. е. дать всеобщій миръ). Разумѣется, перемиріе съ Россіей мы заключимъ—*это не вредитъ нашимъ интересамъ*", заявилъ онъ сотруднику Neue Freie Presse...

Тѣмъ не менѣе, вся глубоко аннексіонистская природа консервативныхъ и либеральныхъ партій парламентскаго большинства Германіи, заставляетъ ихъ, изъ соображеній цѣлесообразности, формально стоять на точкѣ зрѣнія извѣстной резолюціи рейхстага „19-го іюля" о томъ, что Германія не стремится ни къ какимъ насильственнымъ захватамъ. Германскій имперіализмъ ни на одну минуту не теряетъ изъ виду своихъ общихъ задачъ, и отъ стремленія превратить частичную побѣду надъ однимъ изъ членовъ союзной коалиціи въ побѣду надъ всей коалиціей отказаться не можетъ и не хочетъ. Именно, въ этихъ цѣляхъ, для него въ высшей степени была выгодна двухсторонняя тактика дальнѣйшаго разложенія силъ союзной коалиціи: во-первыхъ, формальнымъ, пока ни къ чему не обязывающимъ, признаніемъ принциповъ русской формулы мира парализовать русскую оппозицію большевикамъ и тѣмъ скорѣе подготовить возобновленіе „хозяйственныхъ отношеній съ Россіей", о которыхъ такъ сладко распѣвалъ фонъ-Кюльманъ въ Брестѣ; во-вторыхъ, удовлетворяя свою собственную внутри германскую оппозицію, нанести ударъ гражданскому миру въ союзныхъ странахъ главнымъ образомъ тѣмъ, чтобы показать ихъ пролетаріату, что всѣ заявленія о томъ, что миру мѣшаетъ германскій имперіализмъ, ложны и что главная причина войны заключается въ корыстной политикѣ державъ согласія. Достаточно просмотрѣть брестскіе протоколы, чтобы убѣдиться въ этомъ. Такая, безспорно, удачно задуманная тактика является наилучшей дипломатической подготовкой возможнаго большаго сраженія на Западномъ фронтѣ,— и совершенно развязываетъ руки германскому правительству во внутренней борьбѣ...

II.

Огромное вліяніе консервативныхъ и буржуазныхъ партій на тактику германскаго имперіализма большевиками, однако, въ ихъ концепціи всеобщаго мира учитывалось въ весьма малой степени. Такой миръ, вообще, могъ наступить, по ихъ убѣжденію, только послѣ разгрома этихъ партій побѣдоносной германской революціей. „Въ ростѣ рабочей революціи единственная надежда на окончаніе войны подлинно демократическимъ миромъ", писала „Правда" (№ 62). „Только путемъ передачи власти въ руки демократіи—въ Россіи, въ Германіи, во Франціи—путемъ сверженія буржуазныхъ правительствъ во всѣхъ странахъ можетъ быть окончена война", писалъ Крыленко въ „Правдѣ" (№ 72). „Наша задача путемъ укрѣпленія союза съ революціонной демократіей Западной Европы дать міровой революціи новый толчекъ". „Скоро, очень скоро мы доживемъ до того времени, когда вслѣдъ за короной Николая Романова съ вѣнценосныхъ головъ слетятъ другія короны... И вотъ-вотъ упадетъ послѣдняя капля, которая эту чашу переполнитъ", вѣщала „Правда" 29-го іюня въ статьѣ „Будетъ буря". И одно изъ главныхъ средствъ ускоренія міровой революціи большевики усматривали въ захватѣ власти и обращеніи отъ имени народа „къ народамъ и правительствамъ воюющихъ державъ какъ союзныхъ, такъ и враждебныхъ. *Пусть попробуетъ* тогда какое-либо изъ правительствъ отказаться—оно будетъ низвергнуто собственнымъ народомъ" вѣщалъ Крыленко, тогда еще скромный прапорщикъ. Только міровая революція и только всеобщій демократическій миръ! „Ни сепаратнаго мира съ Вельгельмомъ, ни тайныхъ договоровъ съ англійскими и французскими капиталистами!" было паролемъ всѣхъ большевистскихъ знаменъ демонстраціи 18-го іюня. „Пусть знаютъ разбойники-капиталисты нѣмецкіе съ ихъ коронованнымъ разбойникомъ Вильгельмомъ, что мы никогда не будемъ договариваться съ ними!" гордо заявлялъ оффиціальный органъ Ленина 20-го іюня („Правда" № 75). Пройдемъ мимо мелькнувшихъ въ сознаніи брестскихъ картинъ! Отмѣтимъ здѣсь, что всѣ свои взоры и надежды большевики возлагали на революціонный пролетаріатъ Европы и, исключительно на ту его часть, которая стала на путь полнаго разрыва съ буржуазіей своихъ странъ и ликвидацію гражданскаго мира внутри нихъ. И всю силу своего негодованія и критики большевики направили противъ тѣхъ соціалистическихъ партій всѣхъ воюющихъ странъ, которыя голосованіемъ военныхъ кредитовъ и полной поддержкой своихъ правительствъ стали на путь соціалъ-шовинизма, имперіалистической политики. И тѣ, кто нынѣ всѣ эти гордыя слова претворилъ въ презрѣнныя дѣла, считали величайшимъ преступленіемъ передъ дѣломъ свободы и мира всякое соглашеніе съ партіями Шейдемана и французскаго соціалистическаго большинства. Смѣшивая все и вся въ одну кучу, совершенно не отдавая себѣ отчета въ коренной разницѣ поведенія соціалистическихъ партій отдѣльныхъ странъ, —забывая о томъ, что работа Альбера Тома и Геда, вставшихъ на защиту страны, когда врагъ былъ въ 50 верстахъ отъ Парижа не есть работа Шейдемана, всѣми силами поддерживавшаго побѣдоносно

двигающагося къ сердцу Франціи Вильгельма — большевики, съумѣли, однако, въ одномъ вопросѣ стать на теоретически правильный путь. Это ихъ отношеніе къ партіи германскаго соціалистическаго большинства во главѣ съ Шейдеманомъ... Но и тутъ громкія слова претворились нынѣ въ презрѣнныя дѣла.

Мы знаемъ, что при той роли, которую пролетаріатъ, какъ сила политическая и экономическая, играетъ въ странахъ Западной Европы, веденіе войны помимо и противъ воли его большинства было бы дѣломъ рискованнымъ для правящихъ группъ. И сама по себѣ рѣшительная поддержка аггрессивныхъ плановъ Вильгельма со стороны консервативныхъ и буржуазныхъ партій не могла бъ обезпечить всю нужную ему поддержку всей его военной политики, еслибъ не та огромная и мощная помощь, которую до сихъ поръ ей оказывала партія соціалистическаго большинства Германіи, во главѣ съ Шейдеманомъ. Выросшая въ огнѣ классоваго рабочаго движенія, органически связанная съ массой; ведущая за собой втеченіе трехъ лѣтъ войны безспорно подавляющее большинство германскаго пролетаріата, она весь свой авторитетъ и вліяніе отдала на услуженіе своей воинствующей и побѣдоносной власти. Уготовляя широкимъ массамъ апологію войны подъ соціалистическимъ соусомъ, упорно голосуя за военные кредиты,—партія соціалистическаго большинства оказалась тѣмъ фиговымъ листомъ, которымъ весьма удачно прикрывались и нагота, и цинизмъ нѣмецкихъ имперіалистскихъ притязаній. Здѣсь не мѣсто анализировать, какъ и почему партія сознательнаго соціалистическаго пролетаріата, давшая ему и отточенное духовное оружіе и такъ много обѣщавшая для борьбы съ имперіализмомъ, оказалась въ рядахъ людей, поддерживавшихъ самый разбойничій авангардъ имперіализма не только за страхъ, но и за совѣсть. Не будучи склонны все объяснять „измѣной“ и считая, что при изученіи этого явленія надо помнить не только о соціалистическомъ „сознаніи“, но и о томъ политическомъ, экономическомъ и военномъ „бытіи“, которое создалось въ Европѣ вначалѣ войны, мы все же считаемъ[1]), что партія соціалистическаго большинства Германіи свершила величайшее предательство, главнымъ образомъ тѣмъ, что взяла на себя задачу играть гнусную роль международнаго агента Германіи, прикрывая ее своимъ щитомъ и стремясь использовать идею международной солидарности рабочихъ въ цѣляхъ ея побѣды. Полная поддержка правительства кайзера и лицемѣрное стремленіе поддержать „братскія“ узы съ удушаемыми имъ французской, бельгійской и русской демократіей не могло не вызвать отвращенія у всѣхъ тѣхъ, для кого международная солидарность не было одной фразой. Символическое же рукопожатіе Шейдемана съ Вильгельмомъ,—посвященность во всѣ планы послѣдняго,—постоянныя совѣщанія министровъ съ Шейдеманомъ,—агитація его органа „Vorwärts“, всегда поддерживавшаго всѣ крупнѣйшія предпріятія власти—все это сдѣлало партію большинства бѣльмомъ на глазу соціалистовъ всего міра.

И въ своемъ планѣ міровой революціи большевики начертали борьбу не на животъ, а на смерть съ этимъ направленіемъ, ибо оно, по ихъ мнѣнію, стояло поперекъ дороги революціи. И отказъ

---

[1]) Какъ это уже давно доказалъ Г. В. Плехановъ.

свой отъ участія въ Стокгольмской конференціи они мотивировали нежеланіемъ столковываться съ соціалъ-шовинистами. „На конференцію пріѣдутъ делегаты отъ имперіалистическихъ правительствъ, люди, которые вчера получили порученіе отъ короля Карла, кайзера Вильгельма", вѣщала „Правда" (30 мая № 59); „вожди народниковъ и меньшевиковъ-оборонцевъ помогаютъ Шейдеману", и борьба съ ними внутри, какъ и во внѣ, была однимъ изъ главныхъ основныхъ элементовъ большевизма.

„Шейдеманъ и К°,—говорили они („Правда" № 62),—никогда не поѣхали бы на Стокгольмскую конференцію безъ одобренія Вильгельма и германскаго имперіализма. Шейдеманъ поѣдетъ туда со свиданія съ Вильгельмомъ". И „кто даетъ руку Шейдеману и Виктору Адлеру, тотъ тѣмъ самымъ даетъ руку Вильгельму II и Карлу". И нынѣ подающіе руку Людовику Баварскому и германскимъ генераламъ ихъ дорогіе брестскіе гости тогда грозно заявляли, что они могутъ сговариваться только съ истинно-революціонными соціалистами, хотя и слабыми пока, но имѣющими, по убѣжденію Ленина, основаніе и надежду стать завтра на мѣсто обанкротившагося и свергнутаго ими соціалъ-шовинизма. И тогда наступитъ разрывъ пролетаріевъ съ Шейдеманомъ и Вильгельмомъ, наступитъ революція и всеобщій миръ. „Мы съ Карломъ Либкнехтомъ и Фридрихомъ Адлеромъ противъ Шейдемановъ и Плехановыхъ. Вотъ почему мы не пойдемъ на Стокгольмскую конференцію" („Правда" № 62).

Упорная вѣра въ возможность революціи въ Германіи была безпрестаннымъ мотивомъ большевизма... Героическая борьба небольшой группы Спартака (нѣмецкихъ интернаціоналистовъ), во главѣ съ Либкнехтомъ, Рингомъ, Люксенбургъ, ставшей обычной обитательницей нѣмецкихъ тюремъ; ростъ вліянія независимой соц.-демократической группы—во главѣ съ Каутскимъ, Бернштейномъ, Гаазе, Ледебуромъ—образовавшимъ самостоятельную группу соціалистическаго меньшинства въ рейхстагѣ—все же были слишкомъ слабыми факторами, чтобы большевистскія надежды могли въ какой-либо степени претвориться въ дѣйствительность.

И когда, ставъ властью, отъ громкихъ словъ перешли къ презрѣннымъ дѣламъ, началось братанье большевиковъ—въ Брестѣ съ Людовикомъ Баварскимъ и слугами Вильгельма, а въ Стокгольмѣ съ Шейдеманомъ...

„Несмотря на враждебное отношеніе партіи большинства къ нѣмецкимъ соціалъ-патріотамъ" писалъ 8-го ноября оффиціозъ Ленина („Извѣстія" № 219), „они первые прислали въ Стокгольмъ своего оффиціальнаго представителя. Заграничное представительство большевиковъ обмѣнялось привѣтствіями съ Шейдеманомъ для передачи ихъ собраніямъ рабочихъ"... И ненависть стала любовью... И въ статьѣ „Европейскій пролетаріатъ заговорилъ" „Извѣстія" сообщали, что „громадное большинство германскихъ соціалистовъ, даже соглашателей!, на дняхъ приняли рѣшеніе поставить правительству Вильгельма II ультиматумъ. Послѣдствія разрыва—сказали *два правыхъ* нѣмецкихъ соціалъ-демократа нашимъ представителямъ въ Стокгольмѣ—будутъ громадны, ихъ границы даже трудно предвидѣть... Мы поддержимъ вмѣстѣ съ лѣвыми нѣмецкими с.-д. русскій пролетаріатъ"... Кто-жъ эти два таинственныхъ правыхъ, возвѣстившихъ новую эру? Не Парвусъ

ли[1]), не ближайшій ли соратникъ его Янсонъ, поспѣшившіе въ Стокгольмъ „на помощь“ россійскому пролетаріату и доказывавшіе въ своемъ „Glocke“, что въ прошломъ году, или лѣтомъ 1917 г. такъ называемый шейдемановскій миръ (миръ путемъ соглашенія, съ умѣренными аннексіями) былъ бы реально осуществимъ, но будетъ ли такъ нынѣ или нѣсколько позже, никто утверждать не рѣшится... „Въ виду того, что война рѣшится не дипломатами, а солдатами“ пишетъ Янсонъ, „правильнѣе всего основываться нынѣ на военной картѣ Гинденбурга“. Вотъ въ чемъ убѣждаютъ Ленина эти подлинные шакалы русской свободы! И не былъ ли среди этихъ таинственныхъ „двухъ правыхъ“ и прибывшій въ Стокгольмъ австрійскій соц.-дем. Вельтнеръ, убѣждавшій, что „австро-германцы хотѣли бы избѣжать сепаратнаго мира, но союзники, молъ, къ тому ведутъ“. („Нов. Лучъ“ № 5).

Стокгольмъ сталъ Меккой для вождей соціалистическаго большинства. Въ Стокгольмъ поспѣшилъ самъ Шейдеманъ... И первымъ его словомъ было, въ противовѣсъ „двумъ таинственнымъ“ коротенькое заявленіе... „Онъ отрицаетъ возможность революціи въ Германіи“ это разъ и „онъ высказываетъ довѣріе къ намѣреніямъ германскаго правительства“—два... Разрушить иллюзію и возстановить довѣріе къ доброму кайзеру—такова была его далеко не безуспѣшная миссія. Его органъ „Vorwärts“ уже раньше подготовлялъ нашу новую власть къ воспріятію болѣе реалистическихъ представленій... Когда появилось радостное для „Vorwärts'а“ сообщеніе о предложеніи перемирія, приправленное обращеніемъ къ трудящимся поднять знамя революціи по примѣру большевиковъ, „Vorwärts“ заявилъ, что онъ „энергично отбрасываетъ сумасшедшее предложеніе принять этотъ методъ большевиковъ для всѣхъ странъ; закончить міровую войну всеобщей гражданской—утопія; это значило бы еще продлить войну. Лица, правящія Петроградомъ,—должны знать, и не имѣть никакихъ сомнѣній въ томъ, что ихъ теорія окончанія войны не найдетъ за себя ни одной германской земли, ни одной группы нѣмецкихъ соціалистовъ, думающихъ перевести всемірную войну внутрь страны“ (10-го ноября). И вмѣстѣ съ тѣмъ онъ упорно твердитъ о томъ, что „общія условія русскаго предложенія для Германіи уже давно пріемлемы“... Не только для соціалиста, но и для кайзера... На митингахъ въ Дрезденѣ, по сообщенію „Vorwärts“ Шейдеманъ, по поводу полученной имъ („Извѣстія“ № 230 19/XI) привѣтственной телеграммы заграничваго представительства большевиковъ говорилъ, что „заключенію мира препятствуютъ *только* союзники, но что неукротимому западному имперіализму придется отказаться отъ поставленной себѣ цѣли, если онъ убѣдится, что на поддержку съ востока онъ больше разсчитывать не можетъ“. Нужна ли еще большая ясность въ томъ, что ему, Шейдеману, нуженъ прежде всего не общій миръ, а сепаратный, ибо уступка со стороны неукротимаго имперіализма Англіи мыслится имъ какъ результатъ отказа въ поддержкѣ со стороны Россіи? Съ еще большей ясностью высказался другой лидеръ большин-

---

[1]) О которомъ Штребель въ ландтагѣ говорилъ, что „этотъ авантюристъ, разбогатѣвшій на спекуляціяхъ и темныхъ дѣлахъ, посланъ въ качествѣ представителя германскихъ рабочихъ въ Стокгольмъ“.

ства, Давидъ... Этотъ оппортунистъ до мозга костей, какъ и Шейдеманъ, радующійся рабочей революціи въ Россіи, но отвергающій ее для Германіи, поучаетъ въ статьѣ „Миръ съ востока“ („Изв. № 234 24/XI) „либеральныя и умѣренно демократическія группы Россіи, управляющія до переворота, въ половинчатой политикѣ мира“. „Новые люди“,—тѣ самые, что считали его агентомъ Вильгельма!—„выражаютъ свою непреклонную волю къ немедленному миру“; кончаетъ Давидъ увѣренностью, что „въ русскомъ стремленіи къ миру онъ видитъ открытіе новаго пути для переустройства Восточной Европы“... Что это значитъ? Не такое ли переустройство, что на мѣстѣ Россіи будутъ клочья, Литовское Великое Княжество съ Великимъ Княземъ Вильгельмомъ, Курляндское—съ герцогомъ Вильгельмомъ? И почему переустройство по принципу самоопредѣленія касается только Восточной Европы, а не, напримѣръ, и Австріи?..

Союзъ великій, прочный и святой возникъ между Смольнымъ и Шейдеманами и Давидами. И какъ со сна, протираетъ свои глаза старый, умудренный опытомъ Францъ Мерингъ, глядя на это необычное зрѣлище... „Откуда вдругъ появилась эта интимная близость большевиковъ съ нѣмецкими соціалъ-шовинистами, опозорившими свою собственную партію“, спрашиваетъ онъ, одинъ изъ основателей группы Спартака (Либкнехта), рѣшительно порвавшей съ большинствомъ. Именно ему и его партіи большевики клялись нѣкогда въ вѣрности, а нынѣ братаются съ ихъ врагами. Вѣдь это они, Меринги и Либкнехты, ведутъ истинно революціонную борьбу съ кайзеромъ, и на нихъ большевики возлагали свои надежды, а нынѣ они наносятъ ударъ имъ же, недоумѣвающимъ и вопрошающимъ.

Но пусть говорятъ они сами, подлинные революціонные соціалъ-демократы, на дѣлѣ ведущіе борьбу за всеобщій демократическій миръ. Изъ ихъ устъ мы услышимъ достойную оцѣнку дѣлъ Шейдемановъ. И какъ достойныя сыны Маркса, они не питаютъ насъ иллюзіями; и какъ подлинные друзья свободной Россіи, они говорятъ намъ правду и о своихъ силахъ. Къ чести германскаго соц.-дем. меньшинства надо сказать, что они всегда говорили о невозможности близкой революціи въ Германіи. Они знали, какую опасную игру затѣвалъ Ленинъ, спекулируя на возможность революціи въ Германіи. „Незадолго до большевистскаго переворота,—пишетъ представитель нашей заграничной делегаціи Эрлихъ („Раб. Газ.“ 3/XII),—изъ Германіи тайкомъ черезъ датскую границу выѣхало нѣсколько представителей группы Спартака (Либкнехта) съ цѣлью довести до свѣдѣнія русскихъ товарищей, что до конца войны, по крайней мѣрѣ, они не должны разсчитывать на революцію въ Германіи“. „Незадолго до переворота,—сообщаетъ близкій большевикамъ Гольденбергъ,—Гаазе сообщилъ въ Стокгольмъ, что событія въ германскомъ флотѣ сильно раздуты печатью,—что онъ предостерегаетъ отъ увлеченія этими сообщеніями и считаетъ своимъ долгомъ заявить, что на революцію въ Германіи, по крайней мѣрѣ до окончанія войны, разсчитывать не приходится“... И развѣ не понятно, почему германское правительство, вопреки протестамъ Троцкаго, упорствовало въ нежеланіи выдать паспорта Гаазе, Ледебуру и Каутскому

Библиотека ин-та Марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

для поѣздки въ Стокгольмъ, куда оно такъ срочно пропустило Шейдемана, Парвуса и Янсона? Парвусъ, этотъ заклейменный наёмникъ германскихъ имперіалистовъ, свободно содѣйствуетъ интернаціоналу Троцкихъ и Шейдемановъ,—и, конечно, присутствіе ихъ честныхъ, независимыхъ враговъ—Гаазе, Каутскаго вынудило бы ихъ моментально уйти со Стокгольмской арены. Ибо Гаазе знаетъ цѣну ихъ заявленіямъ о всеобщемъ мирѣ. При полномъ молчаніи всѣхъ многочисленныхъ шейдемановцевъ („Изв." № 235 25/XI) Гаазе въ рейхстагѣ далъ имъ достойную оцѣнку. „Австро-германскіе планы о присоединеніи Польши, Литвы и Курляндіи далеко не сданы въ архивъ и всѣ утвержденія „Vorwärts'a" (органа Шейдемана), будто германское правительство отказалось отъ аннексій, является лишь покушеніемъ съ негодными средствами, такъ какъ всѣ рѣчи канцлера о *самоопредѣленіи народовъ — пустая фразеологія*". Гаазе понялъ, что готовится сепаратный миръ. „Одного сепаратнаго мира съ Россіей намъ недостаточно, мы не этого добивались, мы желаемъ общаго мира безъ аннексій, но, увы, *канцлеръ объ этомъ молчитъ*! Соціалъ-демократическое большинство,—горько иронизировалъ онъ,—осуществляетъ торжественно возвѣщенную ими поддержку большевистской революціи... единодушнымъ голосованіемъ военныхъ кредитовъ"... „Революціонеры и имперіалисты говорятъ на разныхъ языкахъ",—сорвалось у оффиціоза Ленина по поводу этой рѣчи, и это, однако, не мѣшаетъ имъ вступить въ союзъ съ этими имперіалистами... Бернштейнъ дополнилъ характеристику, данную Гаазе. Въ „Kölnische Volkszeitung" (6/XII) онъ говоритъ: „Шейдемановцы—это современные монархо-соціалисты. Эта группа заключила прочный союзъ не только съ капиталистами, но и съ монархомъ. Благодаря этому союзу, Германія не только не прогрессируетъ по пути демократизаціи своихъ государственныхъ учрежденій, но и образъ правленія въ ней становится все менѣе парламентарнымъ"... Сколько горечи должно было накопиться у Гаазе, для того, чтобы побудить его съ каѳедры нѣмецкаго парламента крикнуть Троцкимъ: „Пусть русскіе соціалисты помнятъ, что ихъ нѣмецкіе товарищи, *принявшіе на словахъ программу* русскаго мира, на дѣлѣ голосовали за военные кредиты. Сепаратный миръ намъ не нуженъ". Такъ говорилъ нѣмецкій революціонеръ, а русскіе въ это время укладывали свои чемоданы, чтобы ѣхать въ Брестъ...

И нужно ли удивляться тому, что Шейдемановская группа получила полную свободу организовать митинги по Германіи по поводу русскаго предложенія перемирія, а сторонникамъ Гаазе на этихъ митингахъ полиція не давала говорить? Гаазе заявилъ въ рейхстагѣ („Щитъ" 30/XI), что нѣмецкое правительство не допускаетъ публичнаго обсужденія мира безъ аннексій, а газета „Leipziger Volkszeitung" за помѣщеніе объявленія объ этомъ была временно закрыта. Демонстрація независимыхъ была запрещена въ Берлинѣ.

А когда вѣсти о славныхъ дѣяніяхъ большевистской власти дошли къ нимъ, органъ независимыхъ „Leipziger Volkszeitung" въ статьѣ Штейна далъ рѣшительную отповѣдь тактикѣ большевиковъ. „Партія, удерживающая власть политическимъ терроромъ, оскверняетъ демократію и соціализмъ. Международный пролета-

ріатъ не можетъ желать такого поворота въ революціонномъ движеніи въ Россіи, уничтожающаго всѣ связанныя съ нимъ надежды". Съ тоской и жутью взираютъ Гаазе, Либкнехты, какъ представители пролетаріата братаются въ Брестѣ со злѣйшими врагами его, предавая и соціализмъ, и родную страну. Братаются съ тѣми, кто въ Кельнѣ 6 декабря („Новый Лучъ" № 8) арестовываетъ ихъ товарищей, членовъ партіи независимыхъ... И уже слышенъ стонъ нѣмецкихъ революціонеровъ отъ услугъ россійской соціалистической власти. Карлъ Минстеръ въ журналѣ „Der Campf" умоляетъ большевиковъ не заключать мира съ Германіей на желательныхъ для центральныхъ имперій условіяхъ; чешскій депутатъ Модрачекъ выражаетъ сожалѣніе („Новый Лучъ" № 8), что русская революція потеряла все свое значеніе и загубила надежды угнетенныхъ народовъ. „Большевистская революція безумна и не отвѣчаетъ интересамъ нѣмецкой демократіи". — „Событія въ Россіи не ведутъ къ общему миру, а наоборотъ подготовляютъ новую, болѣе тяжкую стадію войны", пишетъ депутатъ Эйзнеръ въ Лейпцигской газетѣ. („Нов. Лучъ" № 8). И въ заключеніе Карлъ Каутскій съ явной тревогой ожидаетъ результатовъ мирныхъ переговоровъ. „Слѣдуетъ ожидать,— дипломатически пишетъ онъ въ „Лейпцигской Народной Газетѣ",—что правительство большевиковъ приступитъ къ переговорамъ не какъ простой мужичокъ, у котораго только и заботы, чтобъ обработать свою родную землю вдали отъ военнаго міра.— Будемъ надѣяться, что большевики дадутъ представителямъ Учредительнаго Собранія возможность присутствовать при переговорахъ, контролируя ихъ" („Новый Лучъ"). Нужно ли еще прибавлять...

И въ радостномъ трепетѣ отъ окончательной побѣды прусскаго деспотизма надъ русской демократіей правительство кайзера, почувствовавъ приливъ силы, принялось соотвѣтствующимъ образомъ за внутреннюю политику. Безспорно поднявшаяся въ октябрѣ и въ первой половинѣ ноября волна митинговъ и демонстрацій рабочихъ массъ, показывающая все большее высвобожденіе ихъ изъ-подъ вліянія Шейдемановщины и ростъ вліянія группъ Либкнехта и Гаазе, по мѣрѣ выясненія происходящаго въ Россіи, начинаетъ уступать разочарованію, съ одной стороны, и необычайному росту политической реакціи, не разбирающейся въ средствахъ подавленія движенія, съ другой. Мы уже говорили о протестѣ Гаазе 16 ноября въ рейхстагѣ по поводу запрещенія митинговъ на тему о мирѣ безъ аннексій и закрытіи газетъ [1]). Осмѣлѣли, какъ никогда, прусскіе консерваторы, твердо рѣшившіе провалить избирательный законъ, не смущаясь ни угрозами соціалистовъ, ни даже недовольствомъ правительства. „Обѣщаніе короля насъ нисколько не связываетъ",— цинично заявляютъ они,—„связано лишь правительство, которое въ трудный моментъ государства вынудило корону на такое обѣщаніе". Ну, а теперь, въ радостные дни „моментъ миновалъ и Германія на высотѣ всяческихъ успѣховъ и потому нечего заигрывать съ народомъ, нуждающимся въ зрѣломъ руководствѣ"...

---

[1]) Аресты независимыхъ стали бытовымъ явленіемъ, и ими полна вся соціалистическая печать.

(Цит. по „Vorwärst'y“ отъ 25/XI). Послѣ 6-ти дневныхъ преній о прусскихъ реформахъ законопроекты переданы въ особую комиссію, ничего хорошо не предвѣщающую, ибо большинство въ ней соотвѣтствуетъ большинству палаты. „Vorwärts“ (27/XI) горько жалуется, что новый курсъ идетъ на смарку; лишь недавно канцлеръ обѣщалъ (до перемирія!) всякія облегченія печати и полную свободу собраній, но военная диктатура господствуетъ надъ политической властью. „Правъ Вильсонъ, отказывающійся вѣрить германскимъ правителямъ“,—заканчиваетъ газета по поводу запрещенія митинга... Членъ ландтага, Штребель, ярко обнаружилъ связь роста реакціи съ русскими дѣлами. „Ободренная реакція подняла голову и старается использовать русскую революцію для своихъ имперіалистическихъ цѣлей и нисколько не смущаясь повсемѣстнымъ торжествомъ демократіи, хочетъ закрѣпить на вѣки Старую Пруссію, оплотъ милитаризма и абсолютизма. Когда дѣла Германіи были плохи, правительство охотно пользовалось посредничествомъ соціалистовъ, теперь же отказываетъ въ паспортахъ въ Петроградъ“... „Славенъ, безсмертенъ вашъ подвигъ великій“, Ленинъ и Троцкій! Вы поправили дѣла пруссаковъ! Вильгельмъ и весь имперіализмъ, и нѣмецкій и всякій иной, взяли и возьмутъ съ васъ все, что можете выдать, а потомъ... „Весьма вѣроятно,“ — пишетъ либеральная „Frankfurter Zeitung“,—что векселъ, выданный большевиками, окажется весьма краткосроченъ. Единственная основа ихъ власти—стремленіе солдатъ къ миру. Весьма вѣроятно, что Ленинъ и Троцкій вслѣдствіе своихъ соціальныхъ экспериментовъ будутъ свергнуты еще ранѣе осуществленія мира“...

Нынѣ уже есть возможность подвести нѣкоторые итоги... Брестскіе переговоры и петроградское похмѣлье — таковы двѣ стадіи этихъ итоговъ. Послѣ рѣчей, начавшихся съ „Вашего Высочества и Вашего Превосходительства“ Чернинъ, въ отвѣтъ на предложенную русскими формулу мира безъ аннексій, изложилъ точку зрѣнія германской коалиціи. Здѣсь въ Брестѣ повторено было прежде всего, что основныя положенія русской делегаціи могутъ быть положены въ основу переговоровъ о мирѣ, что германская коалиція согласна немедленно заключить общій миръ, что она осуждаетъ веденіе войны ради завоеваній... Дальнѣйшіе, однако, пункты ноты Чернина позволятъ намъ расшифровать эти уже годъ жеванныя Черниным фразы,—тѣмъ самымъ Черниным, который 23 октября на верховномъ Совѣтѣ въ Берлинѣ предлагалъ аннексію Польши, Литвы и Курляндіи.

Во-первыхъ, „предложеніе русской декларации могло бы быть осуществлено, если бы всѣ причастныя къ войнѣ державы, *безъ сговора*, изъявили согласіе соблюдать общія для всѣхъ народовъ условія“. Что это значитъ? *Безъ сговора*, т.-е. не можетъ быть такого же коллективнаго заявленія отъ имени союзниковъ, какъ Чернинъ это сдѣлалъ отъ имени германской группы. Имъ сговориться можно, но не другимъ... Отчего бы, на самомъ дѣлѣ, Англіи и Франціи не послѣдовать за Ленинымъ, и, безъ сговора, пріѣхать въ Брестъ...

„Вопросъ о принадлежности къ тому или иному государству національной группы, не имѣющей политической самостоятельности, *не можетъ быть рѣшенъ международно*. Онъ долженъ

быть рѣшенъ каждымъ государствомъ *совмѣстно съ его народами путемъ указанія конституціи*“... Таково предложеніе Чернина... „Въ намѣренія союзныхъ державъ не входитъ насильственное присоединеніе захваченныхъ во время войны территорій“... и „огражденіе права меньшинства составляетъ существенную часть указанныхъ конституціями правъ самоопредѣленія народовъ, признается и проводится въ жизнь при наличіи фактической къ тому возможности“... Воистину, языкъ данъ дипломатамъ для того, чтобы скрывать свои мысли... Принципъ самоопредѣленія тутъ пріобрѣтаетъ, можно сказать, характеръ формулы аннексій. Насильственно не присоединять..., но вопросъ о судьбѣ Польши, Литвы и Курляндіи не можетъ быть рѣшенъ международно, а въ согласіи съ конституціями... Какими? Россійской, или германской, или австрійской? Курляндія уже имѣетъ свой, на прусскій манеръ, Фонъ-скій ландтагъ и этотъ ландтагъ уже отправилъ въ Берлинъ делегацію о желаніи „самоопредѣлиться“ путемъ присоединенія къ Германіи... Что же, этотъ вопросъ будетъ рѣшенъ Германіей совмѣстно съ курляндскими народами путемъ указаній конституцій,—или Россіей совмѣстно съ Курляндіей на основаніи своей конституціи? Польша, напр., которая рукой своего Совѣта Регентства писала Императорамъ Германіи и Австріи, что „нынѣ Польша на дѣлѣ какъ и Литва и Курляндія, уже принадлежатъ центральнымъ державамъ“, этимъ не выполнила ли уже, по смыслу предложенія Чернина, акта о самоопредѣленіи? Нѣкоторая ясность была бы лишь въ томъ случаѣ, если въ замѣчаніи по пункту 3 было бы не только указано, что „принадлежность къ тому или иному государству національной группы, не имѣющей политической самостоятельности должна рѣшаться каждымъ государствомъ вмѣстѣ съ его народами путемъ указанія конституціи“, но и то, что здѣсь разумѣется, во-первыхъ, государство, въ составъ котораго *до войны* входила данная нація, и во-вторыхъ, что конституція то тутъ разумѣется *не прусско-курляндская, при которой судьба страны самоопредѣляется одними баронами.*

Что касается требованія русской делегаціи немедленно очистить оккупированныя территоріи, то такъ какъ, по словамъ Чернина, „Германія, имѣя въ виду природу колоніальной территоріи, осуществляетъ право на самоопредѣленіе“ сама, то, собственно русскимъ нечего заботиться ни о Польшѣ, Литвѣ, Курляндіи, ибо программа уже выполняется, и кромѣ того „это въ настоящее время является практически невозможнымъ“... Даже туземцы въ германскихъ колоніяхъ уже доказали „привязанность и согласіе принадлежать Германіи“, ну, а поляки, и латыши подавно...

И весь смыслъ своей длинной рѣчи Чернинъ вложилъ въ конецъ ея. Насчетъ славнаго и безсмертнаго пункта 6-го русскихъ предложеній о возобновленіи хозяйственныхъ отношеній... Это Чернинъ „всецѣло одобрилъ“ заявивъ, что „возстановленіе и урегулированіе хозяйственныхъ отношеній“ есть одно изъ „важнѣйшихъ условій для подготовки и выработки дружественныхъ отношеній между державами, ведущими войну“... Такъ! Возобновимъ торговыя сношенія и этимъ подготовимъ добрый миръ! Пока что, Россія намъ хлѣба, мяса, кожи, а мы ей кое-что другое! И фонъ Кюльманъ, въ своей привѣтственной рѣчи подчер-

кнулъ, что „*не можетъ быть и рѣчи о томъ*, чтобы въ начатомъ теперь совѣщаніи разрабатывать *детали условій мира*“... Это потомъ, а пока, главное, „намъ предстоитъ опредѣленіе условій, при которыхъ, особенно, въ культурно-хозяйственной жизни, вновь могутъ быть *въ скоромъ времени* возстановлены сношенія“. Съ миромъ можно не спѣшить, ибо фактически война кончилась на русскомъ фронтѣ; разговоры намъ помогутъ дурачить и вашихъ, и нашихъ, а вотъ торговыя сношенія „въ скоромъ времени“...

Торжественно и плавно лилась въ отвѣтъ рѣчь Іоффе: „Русская делегація констатируетъ, что принципы мира безъ аннексій и контрибуцій восприняты народами четверного союза; и Германія и ея союзники совершенно чужды планамъ захватовъ“.

Таковы были итоги первой, оффиціально-парадной стадіи мирныхъ переговоровъ. Полная побѣда Ленина и Троцкаго, отказъ Германіи отъ аннексій были возвѣщены міру экстренными депешами. И увы, многіе, даже умудренные опытомъ, повѣрили этому[1]).

Ярко горѣли люстры Смольнаго, торжественно-побѣдно звучали рѣчи. Крыленко 15 декабря издалъ торжественный приказъ къ солдатамъ арміи. „Нѣмцы согласились вести переговоры о мирѣ на нашихъ условіяхъ“—писалъ онъ, „нѣмцы согласились заключить миръ безъ аннексій и контрибуцій. *Нѣмцы согласны, чтобы войска, находящіяся въ захваченныхъ областяхъ, были отведены*“. Аршинными буквами на 1-ой стр., „Извѣстій“ (№ 253 16/хп) было возвѣщено, что „пленарное Собраніе Центр. Исп. Ком. Совѣтовъ постановило отмѣтить 17 декабря *успѣхъ совѣтской делегаціи* въ Брестѣ грандіозной мирной демонстраціей“. Но не успѣли заглохнуть отзвуки гремящихъ трубъ и барабановъ демонстрацій, какъ тайное стало явнымъ и предъ всей нагло обманутой Россіей предсталъ весь ужасъ брестскаго позора. Каменевъ, 19 декабря, на засѣданіи въ Смольномъ сообщилъ, что послѣ параднаго засѣданія въ Брестѣ, закончившагося соглашеніемъ о 10-дневномъ перерывѣ, состоялись еще два засѣданія, на которыхъ были заслушаны конкретныя предложенія Германіи. Въ ст. 1-ой этихъ предложеній нѣмцы заявляютъ, что „какъ только миръ будетъ заключенъ и демобилизація русской арміи будетъ произведена, Германія готова очистить занятыя русскія области, поскольку это не будетъ противорѣчить ст. 2-ой“. А въ статьѣ 2-ой указывается, что такъ какъ русское правительство провозгласило право на самоопредѣленіе вплоть до полнаго отдѣленія, то „оно принимаетъ къ свѣдѣнію рѣшенія, въ коихъ выражена воля народа: стремленія Польши, Литвы, Курляндій и частей Эстляндіи и Лифляндіи къ полной государственной самостоятельности и выдѣленію ихъ изъ русскаго государства. Русское правительство признаетъ, что эти заявленія при настоящихъ условіяхъ надлежитъ разсматривать, какъ выраженіе народной воли“. А потому „вопросъ относительно очищенія стоитъ не такъ, чтобы оно могло быть произведено согласно ст. 1-ой“, то есть и послѣ *нашей демобилизаціи Германія войскъ выводить не намѣрена*.. Сущность дальнѣйшихъ статей сводится къ предложенію полнаго и немедленнаго возстановленія торговыхъ сно-

[1]) Даже „День“ готовъ былъ признать „побѣду демократій“.

шеній и ряду условій, представляющихъ собой ничто иное, какъ счеть Шейлока...

Намъ не приходится разбирать эти условія. Онѣ оцѣнены нынѣ и большевиками. „Непріемлемость австро-германскихъ условій вполнѣ очевидна, такъ какъ германскій проектъ мирныхъ условій въ примѣненіи къ Россіи превращаетъ идею опроса заинтересованнаго населенія въ нѣкоторый ритуалъ, лишенный практическаго содержанія“—такъ говоритъ Троцкій. Отношеніе германскихъ властей къ Польшѣ, Литвѣ и Курляндіи есть „явная и неслыханная насмѣшка надъ принципомъ самоопредѣленія“—заявляетъ „Правда“ „Война еще не кончена, ибо мира еще нѣтъ. И если онъ (германскій имперіализмъ) не согласится на наши условія мира, ему придется вести войну противъ революціоннаго народа“. И Центр. Исп. Ком. вынесъ 19 декабря резолюцію: „австро-германское правительство отказалось дать немедленное безоговорочное обязательство вывести войска изъ Польши Литвы и Курляндіи“. И отъ нихъ мы уже слышимъ разговоры о боеспособности, добровольческой арміи, оборонѣ, мобилизаціи.

Брестъ перейдетъ въ исторію какъ символъ банкротства большевиковъ. Недаромъ такъ велико ликованіе нѣмцевъ. Для нихъ практически война съ Россіей кончена. И на радостяхъ зажжена нѣмцами иллюминація... Ярко горятъ номера большевистскаго „Факела“, на нѣмецкомъ языкѣ призывающіе нѣмецкихъ солдатъ къ революціи противъ кайзера, и вагонами доставляемыхъ изъ Смольнаго на фронтъ... Нѣмцы жгутъ ихъ, сами предпочитая пробавляться „Vorwärts'омъ“, проливающимъ крокодиловы слезы надъ нѣкоторыми недостатками сепаратнаго мира „Россія никакой войны съ Германіей не ведетъ, Россія вычеркнута изъ числа воюющихъ державъ. Будетъ ли заключенъ въ ближайшемъ будущемъ общій миръ,—нѣмецкому солдату съ русскимъ солдатомъ воевать не придется“, такъ пишетъ „Vorwärts“ въ юбилейной статьѣ „годъ борьбы за миръ“ (12 дек.). „Совершенно лишенная возможности защищаться, раздираемая гражданской войной, Россія лежитъ сейчасъ совершенно беззащитная предъ вооруженнымъ до зубовъ прусскимъ юнкеромъ, у котораго нѣтъ или очень мало надеждъ на Западѣ и который попытается вознаградить себя на Востокѣ“. „Vorwärts“ указываетъ, что то, что творится теперь въ Россіи и надъ Россіей, есть „результатъ мирной политики“ германскаго правительства, навязанной послѣднему германскимъ с.-д. большинствомъ и его „борьбой за миръ“... Въ этой цитатѣ—полное признаніе своего участія въ предательствѣ свободной Россіи...

Сепаратный миръ, ростъ реакціи въ Германіи, торжество Вильгельма, ударъ по нѣмецкому отряду интернаціонала, проявившаго нѣкоторые признаки жизни—измѣна и предательство дѣла всей европейской демократіи, стоящей подъ угрозой новаго страшнаго удара прусскихъ вандаловъ—таковы итоги большевистской борьбы за всеобщій демократическій миръ. И съ каждымъ днемъ все конкретнѣе встаетъ передъ страной превращеніе ея въ глубокій тылъ германскихъ армій, и полное политическое и экономическое растлѣніе. Растоптанной и униженной предстанетъ Россія предъ грядущимъ общимъ конгрессомъ мира, который можетъ стать для нея тѣмъ, чѣмъ былъ вѣнскій конгрессъ для судебъ Польши.

III.

Сепаратное перемиріе наложило свою неизгладимую печать на весь послѣдующій ходъ событій тѣмъ обстоятельствамъ, что оно рѣзко измѣнило равновѣсіе военныхъ силъ въ пользу Германіи. Будетъ ли продолжаться война на французскомъ фронтѣ, или нынѣ же начнутся переговоры объ общемъ мирѣ, результатъ создавшагося положенія можетъ быть охарактеризованъ двумя моментами: увеличеніемъ удѣльнаго вѣса германской коалиціи на приближающемся общемъ мирномъ прогрессѣ и опасностью игнорированія обѣими сторонами Россіи, за счетъ которой онѣ могутъ каждый разъ расплачиваться за уступки той или другой сторонѣ. Вліяніе международной демократіи во время конгресса могло бы нѣсколько смягчить это положеніе, но измѣнить его въ основѣ она не въ состояніи. Тутъ съ полной силой сказалась и неспособность русской демократіи создать сильный и устойчивый фронтъ и тотъ послѣдній сокрушительный ударъ, который былъ нанесенъ арміи большевистской властью. Въ процессѣ переговоровъ о перемиріи даже Ленины, Троцкіе и Крыленки ощутили роковое вліяніе дезорганизаціи фронта, ими доведенной до нынѣшняго кульминаціоннаго пункта.

Въ самой постановкѣ всего тактическаго плана перемирія заключался источникъ этой дезорганизаціи. Недаромъ Гинденбургъ, скептически относящійся къ разговорамъ о всеобщемъ мирѣ, заявилъ „что перемиріе съ Россіей мы заключимъ, ибо это не вредитъ нашимъ интересамъ“. Все проведеніе же плана перемирія, въ которое большевики вовлекли отдѣльныя группы солдатъ, до роты и взводовъ включительно, было именно тѣмъ, что надо было Гинденбургу...

Кому же принадлежитъ честь быть авторомъ этой идеи перемирія, долженствовавшей зажечь пожаръ міровой революціи и вырвать дѣло мира изъ рукъ дипломатовъ, вручивъ его солдатамъ всѣхъ фронтовъ? Пусть въ исторію перейдутъ на вѣки вѣчные эти имена, давшіе россійскимъ большевикамъ одну изъ счастливѣйшихъ для нихъ идей.

Впервые это предложеніе появилось въ русской печати на страницахъ „Правды“ (№ 62 2/VI) въ видѣ письма изъ Стокгольма, подписаннаго Робертомъ Гриммомъ и Балабановой... „На созываемой Сов. Р. и С. Д. международной конференціи должны быть допущены лишь тѣ партіи, которыя готовы бороться съ правительствами, не выражающими своей готовности *объявить немедленное перемиріе!*“... Вотъ онъ, счастливый источникъ.... Человѣкъ, уличенный въ сношеніяхъ съ германскимъ правительствомъ черезъ швейцарскаго министра Гофмана, использовавшій гостепріимство Россіи для шифрованныхъ переговоровъ съ нѣмцами, высланный изъ Россіи волей демократіи, заклейменный его же друзьями, признавшими его связь съ агентами германскаго имперіализма—онъ авторъ этой идеи, ставшей боевымъ лозунгомъ цѣлой партійной группировки—интернаціоналистовъ. Робертъ Гриммъ явился въ Россію, какъ представитель того искаженнаго интернаціонализма, который не учитывалъ ни общаго

характера русской революціи, ни огромнаго значенія активной обороны страны. И разоблаченіе его закулисной связи съ нѣмецкимъ правительствомъ оздоровило бы атмосферу, если бы его друзья, такъ жестоко обманутые имъ, сдѣлали бы всѣ выводы. Но меньшевики-интернаціоналисты съ большимъ рвеніемъ поддержали „идею“, и лозунгъ „немедленнаго перемирія“ былъ брошенъ впервые на іюньскихъ митингахъ въ Петроградѣ и на фронтѣ въ самую толщу солдатской массы. И сколько бы нынѣ вся группа интернаціоналистовъ не изощрялась въ критикѣ большевистскаго перемирія, называя его измѣной, имъ не затушевать, не вычеркнуть изъ исторіи ихъ собственно

Для Берлина сепаратное перемиріе было равноцѣнно побѣдѣ въ рѣшающемъ генеральномъ сраженіи надъ однимъ изъ враговъ и постановкѣ его на колѣни. Недаромъ „Vossische Zeitung“ (25/xi) привела „странное сообщеніе“ изъ Вѣны о томъ, что въ освѣдомленныхъ кругахъ полагаютъ, что главною цѣлью десятидневнаго перемирія является стремленіе доставить центральнымъ державамъ возможность произвести переброску войскъ. Угрозы Чернина въ его рѣчи переброской войскъ на западный фронтъ приводились съ увлеченіемъ даже „Vorwärts-омъ“.

Когда большевики на практикѣ приложили свои руки къ осуществленію этой „идеи“—даже они ощутили, что отъ нея отдаетъ дыханіемъ смерти. Но это имѣло своимъ результатомъ еще пару громкихъ словъ, ни на іоту не измѣнившихъ самой сути предательскаго дѣла....

Они знали, что переговоры о сепаратномъ перемиріи ухудшаютъ положеніе французской и англійской демократіи, они знали, что переброска войскъ на Западный фронтъ означаетъ увеличеніе жертвъ со стороны рабочихъ и крестьянъ Франціи и Англіи. Они знали это и раньше, когда своей разлагающей работой на фронтѣ выводили изъ строя полки и дивизіи и тѣмъ развязывали руки Гинденбургу... Какую цѣнность имѣли всѣ пламенныя воззванія къ французамъ, эти тучи бумагъ, когда параллельно съ ними, *благодаря авторамъ этихъ* бумагъ, они получали вдвое противъ нормы увеличенную порцію свинца, благодаря увеличенію количества стоящихъ противъ нихъ нѣмецкихъ войскъ. И что было болѣе убѣдительнымъ; воззваніе о демократическомъ мирѣ, или эти пули, лишнія сотни и тысячи труповъ—этотъ непосредственный источникъ слабости нашего фронта?

Они хотѣли сохранить видимость. Они обратились *ко всѣмъ* съ предложеніемъ поремирія... Но союзныя посольства, какъ въ этомъ вынуждены были сознаться большевики, получили предложеніе о перемиріи черезъ 19 часовъ *послѣ* полученія Главнокомандующимъ приказа объ открытіи переговоровъ съ непріятелемъ („Изв. № 229 18/xi“)/„Союзники,—заявилъ великобританскій посолъ, были поставлены уже передъ *совершившимся* фактомъ, въ предварительное обсужденіе котораго они не входили“... Какую цѣну можно было придать заявленію о *всеобщихъ* переговорахъ, когда Троцкій не счелъ нужнымъ даже выждать нѣсколько дней, необходимыхъ французамъ и анличанамъ для разсмотрѣнія предложенія и дачи отвѣта? И совершенно справедливо указалъ по-

солъ Англіи „что демократическій строй Англіи вызываетъ необходимость времени“ для обсужденія вопроса въ парламентѣ.... Но... имъ некогда было, они спѣшили лихорадочно. И когда французскіе соціалисты получили предложеніе о перемиріи, они уже знали, что на русскомъ фронтѣ сепаратное перемиріе съ Вильгельмомъ стало фактомъ... Нелѣпость положенія вынудила Совѣтъ Комиссаровъ признать что онъ „не ставитъ своего обращенія къ нѣмецкимъ военнымъ властямъ въ зависимость отъ согласія или несогласія союзныхъ правительствъ“, ну, а отъ согласія народовъ, на которыхъ они возлагали всѣ свой надежды?...

„Пусть полки, стоящіе на позиціяхъ, выбираютъ тотчасъ уполномоченныхъ для формальнаго вступленія въ переговоры о перемиріи съ непріятелемъ. Совѣтъ Нар. Комиссаровъ даетъ вамъ право на это“—гласила радіотелеграмма всѣмъ армейскимъ организаціямъ. И въ то время, когда полки, дивизіи, корпуса, арміи—каждая по своему—на скорую руку и свой манеръ, подписывали акты перемирія,—когда русскій фронтъ оказался разорваннымъ въ клочья и Гинденбургъ получилъ возможность полной безнаказанности любыхъ переброскъ, большевики поставили нѣмцамъ основнымъ условіемъ перемирія пунктъ о запрещеніи переброскъ на Западный фронтъ. Въ оффиціальномъ сообщеніи Совѣта Нар. Комиссаровъ о ходѣ переговоровъ („Извѣстія № 223“) указывалось, что «отстаивая въ переговорахъ интересы союзныхъ народовъ, русское правительство однимъ изъ главныхъ условій перемирія поставило непереброску армій; *перемиріе не можетъ и не будетъ содѣйствовать* одному милитаризму противъ другого“.... Эта жалкая декламація,—эти пустозвонныя, никакой реальной силы за собой не имѣющія, требованія выдвигались въ тотъ самый моментъ, когда въ соглашеніи о перемиріи съ нѣмцами, подписанномъ особой арміей на основаніи приказа о частичныхъ перемиріяхъ, *не было сказано ни одного слова о непереброскѣ войскъ*, кромѣ пункта о томъ, что только „втеченіе первыхъ трехъ сутокъ прекращенія военныхъ дѣйствій не допускаются передвиженія боевыхъ частей, кромѣ смѣнъ“... („Извѣст.“ № 232). Въ другомъ договорѣ частичнаго перемирія, на Западномъ фронтѣ, нѣмцы добились согласія „поступиться второй частью пункта 10-го“; именно, въ этой части говорилось, что „равнымъ образомъ не допускается выдѣленіе изъ указанныхъ войсковыхъ частей отдѣльныхъ войсковыхъ единицъ для производства новыхъ формированій“... Т.-е. выбирать ботальоны, полки для формированія новыхъ корпусовъ для французскаго фронта Гинденбургу разрѣшалось. Мы оставляемъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, что выполненіе такихъ пунктовъ, какъ запрещеніе переброскъ, можетъ быть обезпечено лишь наличностью такихъ реальныхъ силъ, угроза которыми вслучаѣ нарушенія договора является главной гарантіей. Можно себѣ представить, какіе „пункты“ заключались въ договорахъ отдѣльныхъ полковъ... Даже Крыленко вынужденъ былъ признать великую опасность такого положенія и пойти противъ Ленина изданіемъ приказа о необходимости крайней осторожности при заключеніи частичнаго перемирія, и необходимости общаго договора перемирія („Изв.“ № 232). Сконфуженный органъ власти „Извѣстія“ помѣстилъ этотъ приказъ съ предисловіемъ, что въ немъ есть „явныя ошибки и пропуски“... „На

Сѣверномъ фронтѣ, гдѣ имѣются частичныя перемиріи, должны немедленно принять приказъ къ руководству", а, главное, указывалось, что пунктъ о переброскѣ является „обязательнымъ"....

Кромѣ пункта о непереброскѣ былъ выдвинутъ пунктъ объ очисткѣ нѣмцами Моонзунда... Не будемъ лучше останавливаться на немъ.. Онъ умеръ въ моментъ своего появленія на свѣтѣ....

Что же отвѣтили нѣмцы? „Такія требованія могутъ быть предъявлены только разбитой сторонѣ"... „Верховное командованіе Германій и ея союзниковъ", говорилъ генералъ Гофманъ, „однако, были бы готовы обязаться не производить никакихъ переброскъ въ цѣляхъ подготовки наступленія на русскія войска" и предложилъ слѣдующій текстъ: „центральныя державы обязываются не усиливать своихъ войскъ противъ Россіи во время перемирія"... О, противъ арміи Крыленко, особенно послѣ того, какъ ликвидированъ былъ центральный мозгъ ея, ставка, этотъ тончайшій аппаратъ, безъ правильной работы котораго нѣтъ современной арміи,—противъ нея Гофманъ, конечно, не намѣревался увеличивать свои силы.... „Только сильный добьется своего" — взывалъ Крыленко къ арміи, ощутивъ смертельное дыханіе трупа ея....

Первое временное перемиріе, подписанное 5-го декабря, было, конечно, побѣдой Гофмана, а не Троцкаго. Оно полностью поставило французовъ и англичанъ подъ угрозы новыхъ ударовъ нѣмцевъ, получившихъ даже формальное право переброскъ. Формулировка пункта пятаго представляетъ собой безсмертный историческій образецъ банкротства, лицемѣрія и жалкаго безсилія большевиковъ, съ глазу на глазъ помѣрявшихся силами съ германскимъ имперіализмомъ.

Прежде всего нужно замѣтить, что большевистская делегація (протоколъ въ „Извѣстіяхъ" №№ 235, 236, 237) на засѣданіи 5-го декабря сдѣлала попытку выйти изъ щекотливаго положенія, созданнаго отказомъ нѣмцевъ принять требованія делегаціи, предложеніемъ „въ виду обнаружившихся разнорѣчій" и предписанія верховнаго командованія временно прервать совѣщаніе, не подписавъ никакого соглашенія. Но нѣмцы даромъ времени не тратятъ, и Гофману удалось убѣдить большевиковъ выработать текстъ временнаго перемирія. Очевидно, этотъ текстъ оказался для *нѣмцевъ болѣе выгоднымъ*, чѣмъ тотъ *приказъ* русскаго командованія *о прекращеніи военныхъ дѣйствій*, на который сослалась русская делегація, пытаясь отдѣлаться отъ предложенія Гофмана.

Вотъ онъ, этотъ пунктъ: „*Втеченіе періода пріостановки военныхъ дѣйствій могутъ имѣть мѣсто только такія переброски войсковыхъ соединеній, силою дивизіи и выше, распоряженіе о которыхъ было издано до 5-го декабря 1917 г. включительно*"....

Итакъ: переброски, силою дивизіи и выше, т.-е. *корпусъ, даже цѣлая армія*, могутъ быть допущены, если приказъ объ этомъ подписанъ до 5-го декабря *включительно!* 5-го декабря подписано соглашеніе. Кто можетъ сказать, что въ этотъ день, до 12 ч. ночи, нѣмецкое командованіе лишено было возможности подписать ровно сотню приказовъ о переброскѣ сотни дивизій? Это „включительно" придаетъ соглашенію уже особый, истинно зловѣщій, оттѣнокъ предательства. Сознательно, или

безсознательно, это насъ здѣсь не интересуетъ. Мы говоримъ объ объективномъ содержаніи... А до 5-го декабря, безъ „включительно“—не могъ быть даже окончательно разработанъ планъ переброскъ?.. Такъ Гофманъ добился своего. Чудакъ онъ, право! Большевики ему подкидывали даже полную свободу переброскъ, ограничившись указаніемъ на достаточность для нѣмцевъ приказа о полномъ прекращеніи нами военныхъ дѣйствій,—а онъ отъ этого отказался, навязавъ себѣ ограниченіе этого права [1])....

„Прокуроръ въ лицѣ русской революціи произнесъ свою громовую обвинительную рѣчь по адресу дипломатіи всѣхъ имперіалистовъ“—такъ оцѣнивалъ Троцкій первый актъ Брестской траги-комедіи.

Въ своемъ обращеніи къ иностраннымъ посламъ („Изв.“ № 234) Троцкій заявилъ, что „по вопросу о цѣляхъ войны делегаты противной стороны уклонилось отъ опредѣленнаго отвѣта“ и вновь призвалъ всѣ правительства ко времени возобновленія переговоровъ (12-го декабря нов. ст.) заявить „ясно и точно“ о цѣляхъ войны...

Народы молчали, молчали и правительства... Даже угрозы Троцкаго оказались безсильны. „Сепаратное перемиріе не есть еще сепаратный миръ. Но оно означаетъ опасность сепаратнаго мира. Предупредить ее могутъ только сами народы“... Онъ забывалъ,—что угрожать было уже нечѣмъ. *Фактически*, въ Брестѣ нѣмцы получили сепаратный миръ, такъ нужное имъ преддверіе пріемлемаго *для нихъ* общаго мира.

Зазвучали иныя ноты въ рѣчахъ большевиковъ...; и онѣ стоятъ того, чтобъ привести ихъ, какъ образецъ внутренней фальши и полнаго безсилія...

„Теперь борьба за миръ началась—говорилъ Ленинъ 22-го ноября на Съѣздѣ флота („Изв.“ № 235). Кто думалъ, что миръ достанется легко, что стоитъ лишь заикнуться о мирѣ и буржуазія поднесетъ его намъ на тарелочкѣ, тотъ ошибался. Кто приписывалъ этотъ взглядъ большевикамъ, *тотъ обманывалъ*.. Убить войну значитъ убить капиталъ, и въ этомъ смыслѣ совѣтская власть начала борьбу. Но революція не заказывается, она является слѣдствіемъ взрыва народныхъ массъ. Я надѣюсь на нѣмецкій рабочій классъ, но если бы онъ пошелъ вмѣстѣ со своимъ правительствомъ хищниковъ имперіализма, и мы стали бы передъ необходимостью продолжать войну, то русскій народъ, безъ всякаго сомнѣнія, съ удесятеренной энергіей, съ удесятереннымъ героизмомъ пошелъ бы на борьбу тогда, ибо рѣчь шла бы о борьбѣ за соціализмъ, за свободу“... Это говорилъ тотъ, который подписалъ приказъ о частичныхъ перемиріяхъ, нанесшій послѣдній ударъ боеспособности фронта...

Нужно признать, что и до большевистскаго переворота, нанесшаго послѣдній ударъ фронту, дезорганизація его приняла такія размѣры, что нѣмецкое командованіе было въ достаточной

---

[1]) Вотъ чего добились большевики взамѣнъ предложеннаго ими вначалѣ гордаго текста: „никакія организованныя боевыя единицы, никакія боевыя техническія средства не могутъ быть, въ предѣлахъ срока перемирія, переброшены съ одного фронта на другой“.. Ни-ни, ни пули ни ружья,—а тутъ вдругъ дивизіи и выше!

степени свободнымъ въ отношеніи переброскъ. Но не говоря уже о томъ, что и здѣсь главную роль играли настроенія и вліянія, суммируемыя общимъ терминомъ „большевизмъ“, большевистская власть уже сознательно взяла на себя задачу, быть орудіемъ для планомѣрнаго проведенія этихъ дезорганизаторскихъ стихійныхъ настроеній и движеній. Какъ это установлено протоколомъ частичнаго перемирія на западномъ фронтѣ [1]), противъ него нѣмцы располагали силами въ $23^1/_2$ пѣхотныхъ и $1^1/_2$ кавалерійскихъ дивизій, не считая резервовъ, т.-е. армію въ среднемъ, считая и техническія части, въ 400.000 человѣкъ. Если взять эту мѣрку, какъ среднюю для всего фронта, то силы всѣхъ нѣмецкихъ армій, прикованныхъ къ нашему фронту до переворота, надо оцѣнивать въ $1^1/_2$ милліона человѣкъ, минимумъ. Эти силы, очевидно, считались нѣмцами необходимыми даже при томъ состояніи нашихъ армій, которое оставляло желать очень многаго. Отсюда ясно, что сдѣлано руками „рабочаго и крестьянскаго правительства“ по отношенію къ Западнымъ демократіямъ, для которыхъ первымъ ощутительнымъ результатомъ побѣды Ленина было увеличеніе количества направленныхъ противъ нихъ штыковъ и пушекъ. Телеграмма изъ Копенгагена отъ 9/хп (Власть Народа и друг.) сообщаетъ, что во Фландрію непрерывно поступаютъ съ русскаго фронта войска и боевое снаряженіе...

Нужно ли прибавлять, что до заключенія перемирія при вторичныхъ переговорахъ въ Брестѣ нѣмецкое командованіе имѣло достаточно времени, чтобы выполнить всѣ свои планы переброскъ? Смыслъ большевистской декламаціи оказался окончательно разоблаченнымъ текстомъ второго договора перемирія. Пунктъ 2 гласитъ, что „договаривающіяся стороны обязаны до 1 января 1918 года не производить никакихъ оперативныхъ воинскихъ переброскъ съ фронта между Балтійскимъ и Черными морями, *за исключеніемъ тѣхъ, которыя къ моменту подписанія настоящаго договора уже начаты*“... Во-первыхъ, тутъ прямо указано—переброски начаты; во-вторыхъ, предѣльный размѣръ этихъ допустимыхъ начатыхъ переброскъ не указанъ и въ третьихъ договоръ подписанъ 15 декабря по нов. ст., и если необходимо было свести возможность переброскъ къ минимуму, то надо было настоять на пунктѣ 5 перваго соглашенія, по которому допустимы были переброски, начатыя до 5-го. Такимъ образомъ вторично значеніе этого требованія было сведено къ нулю.

Какъ обычно, и первая, и вторая пауза въ переговорахъ были использованы Троцкимъ для того, чтобы немедленно зажечь пожаръ всемірной революціи. Въ твердомъ убѣжденіи, что нѣмецкій генеральный штабъ пріидетъ имъ на помощь, большевистскіе послы предложили ему свои услуги по фабрикаціи и доставкѣ революціонной литературы, во-первыхъ, для нѣмецкихъ солдатъ и во-вторыхъ для французовъ и англичанъ... Нѣмцы отвѣтили еще при первой встрѣчѣ, („Изв.“ № 236) что они не уполномочены вести объ этомъ переговоры, но они предполагаютъ, что германское правительство „охотно согласится на доставку литературы въ Англію, Италію, Францію, но оно будетъ

[1]) „Извѣстія“ № 233.

рѣшительно противъ распространенія русской литературы въ Германіи“... И приготовленный и доставленный къ фронту въ вагонахъ въ милліонахъ экземпляровъ изданный Смольнымъ „Факелъ“, предназначенный къ тому, чтобъ зажечь пламя возстанія среди нѣмецкихъ солдатъ, былъ врученъ нѣмецкому начальству... Нужно ли удивляться, что оно сдѣлало изъ него одинъ сплошной „Факелъ“—тутъ же, на мѣстѣ сжегши его!?. Къ сожалѣнію, Крыленко еще не приказалъ дѣлать того же по отношенію къ литературѣ нѣмецкаго генеральнаго штаба у насъ.

И вновь очередное обращеніе Троцкаго къ народамъ („Изв.“ № 244)... „Мы ни отъ кого не скрываемъ, что *не считаемъ нынѣшнія капиталистическія правительства способными на демократическій миръ*“ взываетъ Троцкій. Къ сожалѣнію, онъ не прибавилъ, *что россійское „соціалистическое“ правительство оказалось способнымъ на фактическій сепаратный миръ*. „Только революціонная борьба рабочихъ массъ противъ нынѣшнихъ правительствъ можетъ приблизить Европу къ такому миру. За подлинный демократическій миръ народамъ предстоитъ еще только бороться“...

Послѣ перваго акта переговоровъ о мирѣ большевики возвѣстили всему міру устами Іоффе, что Троцкій ошибался: „русская делегація констатируетъ, что Германія и ея союзники совершенно чужды планамъ захватовъ“... И еще одинъ перерывъ и еще одно воззваніе и даже торжественное празднованіе побѣды. И теперь правительство Ленина, признавъ полную неудачу переговоровъ, устремило свои взоры на фронтъ! Дезорганизаторы фронта бряцаютъ оружіемъ, грозятъ войной. „Война еще не кончена“—говоритъ „Правда“, „имъ придется гнать свои народы на войну съ революціоннымъ пролетаріатомъ“. Но Троцкій знаетъ, что красная гвардія безсильна въ борьбѣ съ нѣмецкой арміей, и обращается къ разрушенной имъ арміи. „Для того, чтобы декларація русской демократіи звучала не только какъ красивая фраза“, „надо, чтобы армія Россіи была не *пылью*, а сплочена и могуча“ говорилъ Троцкій на гарнизонномъ собраніи. „Между тѣмъ, съ фронта идутъ тревожныя свѣдѣнія, что армія разбредается. Если армія разбредется, у нѣмцевъ исчезнетъ охота вести съ нами переговоры. Когда я слышу вѣсть объ усиленіи дезертирства, безпокойство закрадывается въ мою душу. Мы скомпрометируемъ себя предъ глазами всего свѣта“. И лучшій отвѣтъ на эти воздыханія даетъ одинъ изъ независимыхъ нѣмецкихъ с. д., Эдуардъ Бернштейнъ. „Большевики окончательно уничтожили военное сопротивленіе Россіи,—пишетъ онъ въ Leipziger Volkszeitung 18/XII,—и тѣмъ самымъ лишили себя возможности оказать реальное давленіе на центральныя державы во время переговоровъ“. „Неужели Ленинъ полагаетъ возможнымъ немедленно возобновить производство оружія и возстановленіе фронта послѣ того, какъ большевики поощряли солдатъ къ дезертирству и экономически дезорганизовали страну?“ („Нов. Лучъ“ № 14), спрашиваетъ Бернштейнъ.

Вся брестская траги-комедія не закончилась формальнымъ заключеніемъ сепаратнаго мира только изъ соображеній внутренней политической борьбы, одинаково серьезныхъ для обѣихъ сторонъ.

Формальное заключеніе мира невыгодно большевикамъ, ибо

при такомъ положеніи они сами вынуждены были-бъ сознаться въ своемъ окончательномъ банкротствѣ; нѣмцамъ же такое положеніе помогаетъ тѣмъ, что позволяетъ имъ утверждать, что они вовсе не ищутъ сепаратнаго мира. Успокаивая свою оппозицію, и изображая союзниковъ единственными врагами всеобщаго мира, слуги кайзера великолѣпно поддерживаютъ у себя такъ нужный имъ гражданскій миръ.

Безъ боеспособной арміи, безъ помощи союзниковъ, стоитъ нынѣ Россія, съ глазу на глазъ съ мощнымъ хищникомъ... И на вѣки вѣчные останется въ памяти грядущихъ поколѣній образъ генерала Скалона, не выдержавшаго испытанія и покончившаго въ Брестѣ самоубійствомъ... „Весьма вѣроятно,—писалъ „Vorwärts“ 7/XII—что русскій генералъ дѣйствовалъ подъ гнетомъ мысли, что его родина заключаетъ позорный миръ“...

Путь, выбранный большевиками, есть путь къ подлинно позорному миру. Никто не скажетъ, въ состояніи ли будетъ страна въ какой-либо мѣрѣ исправить безконечно тяжелое положеніе, въ какую ввергла Россію большевистская власть. Но если еще мыслимъ какой-либо выходъ, если мыслимо еще спасеніе Россіи отъ опасности превращенія ея въ германскую колонію, то это произойдетъ только путемъ возстановленія единства внутренняго и внѣшняго фронта. Безъ возрожденія моральнаго и политическаго престижа революціи и безъ прекращенія гражданской войны не можетъ быть рѣчи о какой бы то ни было оборонѣ. Власть, признаваемая только двумя, наиболѣе дезорганизованными фронтами изъ пяти, власть, отрѣзавшая себя отъ источниковъ угля и хлѣба, не можетъ ни оборонять страну, ни защитить ея честь. И если цѣною дорогого опыта, народныя массы не осознаютъ этого и теперь, то не будетъ у насъ ни единой государственной власти, ни сноснаго мира, ни самой Россіи.

А. Фишгендлеръ.

1 января 1918 года.

Цѣна 75 коп.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:
Книгоиздательство „ДѢЛО“.
Б. Никитская ул., д. 24. Телеф. 3-92-85.